

НИК
ГОРЬКАВЫЙ

АСТРОВИТЯНКА

КОСМИЧЕСКИЙ
МАУГЛИ

СЕРИЯ КОСМИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

Астровитянка

Николай Горькавый
**Астровитянка. Книга
I. Космический маугли**

«АСТ»

2008

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Горькавый Н.

Астровитянка. Книга I. Космический маугли /
Н. Горькавый — «АСТ», 2008 — (Астровитянка)

Ее зовут Никки. Она – космический Маугли. После гибели родителей она осталась совсем одна на крохотном астероиде. Ее единственным другом и наставником был компьютер, который спас ей жизнь и стал частью ее тела. Девочку нашли и вернули в большой мир, когда ей было тринадцать. Но те, кто убил родителей девочки, никогда не оставят ее в покое. Космический Маугли, она должна умереть. Вот только убить ее не так уж просто. У юной и хрупкой девушки – железная воля, отточенный ум и, главное, она умеет находить друзей. Настоящих друзей...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Горькавый Н., 2008
© АСТ, 2008

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ник. Горькавый Астровитянка. Книга I. Космический маугли

© Ник. Горькавый, текст, 2016

© Саша Сильвер, ил., 2016

© Валерий Новоселов, обл., 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*Всем умным молодым людям Земли, Луны и дальнего космоса.
Челябинскому Научному Обществу Учащихся – чудесному
феномену, проросшему в трещинах официальных воспитательных
структур.*

С надеждой, любовью и благодарностью посвящается эта книга

Пролог

Полумрак. Уютно пыхтит кофевар, в такт ему тихо поскрипывает обитое кожей кресло, на котором любит качаться Сюзан. На мониторе переплетаются кривые спектров каменной планеты, чей тусклый полумесяц уже не помещается в широкое окно рубки. Руки Сюзан, подсвеченные мигающими огнями, колдуют над пультом пилота; я – бездельничаю и смотрю на её профиль, на тёмную шевелюру, в которой поблёскивает неожиданная пёстрая прядка из каштановых, рыжих и даже белых волосков.

Динамик пошуршал, похрустел и вдруг запел-заговорил тонким детским голосом забавную песенку... – считалочку, что ли?

Чей нос? – Саввин!
Куда ходил? – Славить!
Что выславил? – Копеечку!
Что купил? – Пряничек!
С кем съел? – С мамой...

Тут и мама-Сюзан удивлённый голос подала:
– В первый раз слышу эту прелесть!
– Я тоже, – хмыкнул я. – И где только Никки выкапывает такие древности?
– Айван! – сказала Сюзан, не поворачивая головы. – Мы будем на мысе Канаверал в полдень пятницы по восточному времени. Чем займёмся в первую очередь?

Айван – это я.

– Выбирай сама: нужно сдать железо, срочно расконсервировать дом и маниакально кропать то-олстый отчёт за все шестьдесят месяцев полевой работы.

– Фу, гадость! – фыркнула Сюзан. – Лучше так: все срочные дела сложим в кучку, в кучке сверху сделаем ямку. Потом туда плюнем, а сами – тихонько, на цыпочках – за дверь и в машину. Через час снимаем номер в «Хилтоне» с окном на залив – как в прошлый раз – и сразу купаться! Волна пахнет тропиками, шелестит тёплая позёмка песка, и жизнь хорошеет на глазах...

– Гениально!

– Вечер проводим на веранде ресторана под пальмовой крышей. Мясо с кровью – прямо с углей, под солёный морской бриз и ледяное сухое вино. Потом, поддерживая друг друга, поднимаемся в комнату, которая освещена лишь луной и прибором, и...

– Эй-эй, дальше не надо!

– ...и море шумит в распахнутую дверь балкона и машет на нас длинными занавесками, а белые барашки ночного шторма видны прямо с подушки... Утром кофе пьём на лоджии, полной солнца и ветра, под крики чаек Тампы... О боги! Я мечтала вернуться к нашему морю все эти длинные марсианские годы...

Сюзан зажмурила глаза, и что-то даже блеснуло в её ресницах.

– Держись, Сюзан, осталась всего неделя лёту! Будет тебе море – с чайками и пеликанами! – От сочувствия и в моём горле защипало. – А пока – притащу-ка я кофейку моему бравому капитану...

Сюзан грустно вздохнула мне вслед:

– Возьми зелёную кружку, там магнит посильнее.

Я принёс кофе, примагнитил его на пульт и нежно поцеловал свою усталую душеньку-пилота сначала в темечко, а потом в шею. Сюзан быстро обняла мою голову одной рукой и крепко чмокнула в небритую щёку. О Ганимед! Как этой женщине удаётся всегда так умопомрачительно пахнуть?..

– На ваши драгоценные измерения, штурман... – к Сюзан вернулась властность командира, – осталось две минуты, и начинаем орбитальный манёвр. Пройдём по касательной, так что возьмёшь ещё качественный скан поверхности.

«Какой удачный день – по дороге домой случайно заметить М-астероид с двумя спутниками. Мы не смогли найти такого симпатягу за все пятьдесят вылетов в Главный Пояс... и вот – на самом его краю, так близко к Солнцу... – в который раз с энтузиазмом подумал я и сел в кресло. – Нелли будет вне себя от счастья, это такой козырь для неё...»

– Надо было всё-таки доложиться на базу, – выиграла во мне лояльность.

– Ты что, не знаешь доктора Пфаффа? – усмеялась Сюзан. – Такая волокита начнётся – планы, согласования, одобрения... и пролетает твой тройной астероид, махая платочком. Мы ведь даже не высаживаемся, только тесное сближение... Тридцать секунд до начала манёвра. Ты пристегнул Никки?

– Да, конечно. – Я глянул на боковой монитор. Наша девочка-белочка что-то рисовала, сидя в кресле с высокой спинкой.

– Десять секунд... пять...

И тут в воздухе зародилась странная вибрация. Она быстро усилилась и навалилась низким гулом. Я по-настоящему испугался:

– Дьявол! Что это?!

– Не знаю! – растерянно выкрикнула Сюзан.

Гул сорвался в невыносимый вой и сверлящую боль в ушах. Во рту замозжило металлическим вкусом. В пульте и стенных панелях затрещали и заискрились бешеные разряды. Контрольные индикаторы стали гаснуть целыми секторами. Сюзан лихорадочно пыталась

что-то сделать, выправить – но всё было прах: с пульта исчезли огни корабельного компьютера, потом потухли сигналы от двигателей и реактора. Свет в рубке погас, даже аварийный, от батарей! Громкий треск и искрение в стенах тоже прекратились: за считанные секунды живой тёплый корабль превратился в неуправляемую глыбу металла, рубка освещалась лишь холодным светом астероида, и край его серого широкого серпа целился в наш беспомощный корабль, не успевший сделать поворот. Беда! Беда!

– Никки! – Я вскочил и рванул дверь в жилой отсек, но овальный стальной люк был невозмутим, как приваренная плита, как створка закрытого сейфа.

– Сделай что-нибудь, Айван, СДЕЛАЙ ЧТО-НИБУДЬ! – пронзительно закричала Сюзан, вцепившись в безжизненный пульт, а к прозрачной стене рубки плавно и беспощадно приближались скалы астероида.

Я без церемоний выдернул Сюзан из кресла и отшвырнул к люку. И сейчас же острая скала с хрустом навалилась на бронестекло. Стекло раскатисто лопнуло, вдавилось внутрь корабля потрескавшимся пузырьём, и в разрывах трубно завыл ускользящий воздух.

С пульта сорвалась кружка и устремилась к рылу серого каменного чудовища, влезаящего в рубку в клубах пыли. Кофе выплеснулся струёй и закипел в разреженной атмосфере.

Но сюрреалистический кошмар происходящего не мог напугать меня – я был слишком занят, вручную вытягивая из стены плиту герметичной переборки.

Трещали мышцы, и щелчками боли рвались связки. Сюзан изо всех сил помогала мне отгородиться от зверя. Послышался далёкий детский плач и сразу сорвался в визг ужаса. Плита соединилась со стеной: КЛАНГ! Успели!

В следующую секунду толстая сталь перегородки вздулась парусом, застыла на мгновение – и лопнула мне в лицо. Остро стегнуло виной: «Никки! Сюзан! Не смог! Не спас... Ты! Гад! Жри меня – оставь их!»

Вдруг всё замерло и быстро потемнело. В этой тесняющей мгле раздался звонкий смех Никки, и ласковый голос Сюзан позвал меня: «Айван...»

Яростный рёв мужчины и женский крик прервались одновременно в оглушительном грохоте и леденящем скрипе разламывающегося корабля. Детский визг длился на секунду дольше, но когда усталый зверь продрался сквозь всю рубку и сердито ткнулся каменным рылом в наглухо закрытый люк, то визг сразу прекратился.

Стальная дверь хрустнула и изогнулась, но выдержала. Под угасающий скрежет металла чудовище недовольно отодвинуло пыльную окровавленную морду от люка и замерло.

Мрак затопил раздавленную рубку, разлился по мёртвому кораблю – и стал тишиной.

Глава 1 День исполнения желаний

Звонко плеснув, метнулась в глубину рыба.

Жарко.

Дурманит духом свежескошенной травы, земли, лета. Солнечные лучи сквозь крышу оранжереи заливают густую зелень и ослепительно вспыхивают на ленивых волнах, расходящихся по маленькому пруду.

По дорожке среди высоких помидорных кустов лёгкой походкой идёт босоногая девочка. Её одежда собралась из разорванной на плече грязно-белой майки, когда-то красных шортов и тёмного линялого рюкзака за спиной.

На первый взгляд, это обычная девочка-подросток, худенькая, с тонкими чертами весёлого лица, длинными спутанными волосами и поцарапанными острыми костяшками коленок.

Девочка останавливается, внимательно высматривает среди пахучих листьев помидорного толстяка алой спелости и аккуратно срывает его, потом на соседней грядке отщипывает молодой укропный стебель и несколько фиолетовых лепестков базилика. Выпрямившись, она небрежно смахивает прядь волос, упавшую на лицо, – и тут проясняется не замеченная ранее странность в её облике: каждый волосок густой шевелюры девочки совершенно прозрачен. Брови и ресницы – тёмные, а волосы падают на лоб светлыми паутинками. Но

даже тонкое стекло хорошо заметно в преломлении света – и солнечные блики, рассеиваясь в хаосе хрустальных прядей, заставляют их ярко переливаться.

Девочка подошла к крохотному пруду и сложила добычу на его каменный край. Настоянный травяной воздух с примесью речного запаха кружил голову. Девочка сладко потянулась и вдруг наклонилась, оттолкнулась от берега и, громко взвизгнув, нырнула в самую глубокую часть пруда – прямо в одежду и с рюкзаком.

Тёмные рыбы спины в панике шарахнулись, а волна воды залила ближайшие кусты и смыла сухой лиственный мусор в пруд.

Выплёскивая причудливые фонтаны крупных дрожащих капель и громко фыркая, девочка купалась с полчаса, ныряя и подолгу плавая возле донных камней, заросших илом и ленточными водорослями. Стекланные волосы её стали почти неразличимыми среди тёплых водяных струй, и могло показаться, будто вокруг голой головы колыхнется прозрачная медуза.

Смахивая капли, льнущие к лицу, девочка выбралась из воды и уселась на самое солнечное место берега, покрытого тёмно-зелёным ползучим вьюнком. Её волосы, слипшиеся после купания, походили на причудливую хрустальную шапочку.

Девочка закрыла глаза, подняла лицо к солнцу и громко продекламировала протяжно-завывающим, актёрским голосом:

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла – в башнях замка – Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил её паж.

Никогда-никогда девочка не была у моря! И смутно представляла себе, что такое этот экипаж, тем более городской. Но четыре строчки из старого фолианта волновали её до слёз. Они вмещали целый мир с бушующим морем, старинными замками и влюблёнными пажами. Из дворцовых ворот выбегали извилистые горные дороги, и по ним, изредка и – чудилось – не спеша, ездили эти самые экипажи. Из стрельчатых окон резных стройных башен приветливо выглядывали короли, королевы и их придворные, и славился там чудный композитор Шопен, чью музыку играли непременно на лютне или клавесине.

В этом мире были люди... много людей! Они жили в домах или замках, катались в каретах или автомобилях, смотрели друг на друга и влюблялись, внимая музыке. Миллионы, миллиарды людей! – это всегда поражало воображение девочки. «Уму непостижимо, клянусь улыбкой Пандоры, как они там все умещаются!» – часто думала она с наивным восторгом. И как же ей хотелось быть принцессой из старого каменного замка с башенками, заросшими зелёным плющом!

Девочка прислушалась к чему-то, запустила руку в мокрые волосы и вытащила оттуда запутавшегося малька. Она с прищуром рассмотрела его ошеломлённую рожицу, весело хихикнула и бросила рыбёшку назад в пруд.

Под взволнованной поверхностью воды всё ещё металась потревоженные тени рыб. Девочка со стеклянными волосами встала на ноги и медленно двинулась вокруг пруда, всматриваясь в его глубину. Нашла глазами самую крупную рыбу спину, длиной сантиметров тридцать.

– Приветствую тебя, рыба Эрик! Пойдёшь гулять – не забудь зонтик, сегодня обещали дождь! – незамысловато пошутила она тоненьким мультипликационным голоском. Потом отследила спину поменьше, ловко зацепилась одной рукой за берег, а другой молниеносно выхватила рыбу из воды.

Крепко зажав в ладони отчаянно бьющуюся радужную форель, девочка забрала красавец помидор и пучок зелени и направилась к выходу из оранжереи. Дверь, похожая на дверь сейфа, сама отворилась перед ней, а потом плотно закрылась.

Девочка прошла на кухню с видом на осенний лес и занялась приготовлением ужина. Вода дробными ручейками стекала с сосулечек её волос и обильно капала с рюкзака, но девочку совершенно не волновали ни мокрая одежда, ни неопрятные лужи на полу.

Она взяла острый нож, оглушила пойманную рыбу его массивной рукояткой и одним ударом лезвия отсекла форели голову. Ещё несколько удивительно быстрых и точных движений ножом – и бедная рыба очищена.

Девочка хладнокровно посыпала специями и мукой ещё трепещущую тушку форели и положила её в накрытую стеклянной крышкой сковородку, где уже разогрелось и пощёлкивало оливковое масло.

После чего выбрала нужный угол обзора, различила шестиугольные узоры на поверхности горячего масла и произнесла довольным голосом:

– Только в нашем ресторане – самые свежие конвективные ячейки Бенара!

Девочка со стеклянными волосами оживлённо заговорила сама с собой:

– Вы утверждаете, что ваша восточная ручьевая форель *Salvelinus fontinalis* на вкус самая изысканная в мире? Советую вам придерживаться ваше мнение, пока не попробуете ту, что приготовит мистер Вульф!

Под потрескивание жарящейся рыбы девочка крупно накромила в тарелку сочную помидорную мякоть, добавила соли и снова оливкового масла. Тем же ножом она нарезала укроп и базилик, придерживая их левой рукой. Потом ловко смахнула в салат свежескрошенную зелень, поднесла к лицу пальцы, мокрые от сока базилика, и с наслаждением вдохнула его запах.

И спросила любопытным басом:

– А что ты сделаешь на свою долю клада, Том Соьер?

Сама же и ответила более звонким голосом:

– Куплю себе новый барабан, настоящую саблю, красный галстук, щенка бульдога, а потом женюсь.

Опечаленный басок отметил:

– Том, ты, должно быть, совсем рехнулся!

Его перебил тоненький голос:

– Том, теперь я никого, кроме тебя, любить не буду, только и ты тоже ни на ком не женись, кроме меня.

Девочка заглянула под крышку сковороды, проверила самочувствие рыбы и заговорила уже двумя спорящими голосами – Умно-Благородным и Визгливо-Противным – такими интонациями мы обычно передаём свои споры с неприятным человеком, который во всём неправ.

Казалось, что разными голосами девочка пытается населить окружающее её пространство.

– Тщеславие – могучая вещь! Самые мелочные люди на свете – большие люди. И у них слюнки текут только на длинную свинью, – рассуждал Умно-Благородный голос.

Визгливо-Противный, которого так и хотелось стукнуть по голове за несправедливое ехидство, заявил:

– Оставьте свой сарказм при себе, Вульф. Я понимаю, у вас в Нью-Йорке... – девочка произнесла слово «Нью-Йорк» сочно, даже приятно зажмурившись, – такие шуточки идут на ура, но здесь, в глубинке, мы проживём и без них!

– Меня возмущает ваш тон, ваш выбор выражений, ваши манеры и ваши методы работы! – не стерпел Умно-Благородный.

Все приготовления к ужину делались девочкой энергично и с видимым удовольствием, но некоторые её движения, особенно походка, показались бы постороннему наблюдателю странно плавными, словно подводными. А босые ноги перемещались по дырчатому пластику пола с лёгким почмокиванием.

Девочка достала из тостера два ломтика горячего хлеба, вытащила из настенного шкафчика вилку, столовый нож и поцарапанный хрустальный бокал. Ловко перевернув зарумянившуюся рыбу на другой бок, отчего по кухне поплыл умопомрачительный аромат свежей жаренины, она взяла початую бутылку густо-красного кьянти и налила себе полный бокал.

По-видимому, эту спокойную и весёлую девочку со стеклянными волосами совершенно не волновало, что скажут взрослые про алкоголь в рационе подростка.

Завершили сервировку стола тарелочка с четвертинкой лимона и кувшин с букетом жёлтых душистых роз «Тулуз Лотрек». Девочка не преминула их с удовольствием понюхать, потом положила готовую рыбу на синюю плоскую тарелку и села, не снимая мокрого рюкзака, в удобное, хотя и низковатое для неё кресло.

– Когда в Айове ветер прекращается, то коровы падают!

На этом изречении девочка закруглила странные диалоги, причём осталось непонятным, кто из говоривших пас коров в Айове. Подняв бокал, она сказала умильным дребезжащим голосом Санта-Клауса на пенсии:

– Поздравляю тебя, Никки, с днём рождения! Желаю тебе совершить далёкое путешествие в сказочную страну и встретить там заморского принца... – конечно, прекрасного, чёрт побери! – Последние слова девочка сказала своим голосом и звонко рассмеялась.

Потом она глотнула из бокала и спросила в пространство надменным голосом принцессы из замка:

– А вы что подарите мне на день рождения, сэр Робби, старый абак?

– Сюрприз! Скажу после ужина, – раздался приятный баритон из рюкзака, оказавшегося обиталищем портативного компьютера.

– Ну-ну, ты, как всегда, тот ещё темнила! – обычным голосом сказала Никки и с аппетитом навалилась на салат и рыбу.

Робби запустил блюзовую мелодию, и она понравилась Никки, судя по ободрительному кивку головы. Тихий лесной вид из окна вдруг сменился штормовым прибором на острых скалах, и стало ясно, что это вовсе не окно, а просто большой экран.

Никки расправилась с праздничным ужином и откинулась на спинку кресла.

– Ну, давай, камень-кремень, выкладывай свой сюрприз, – голосом сытой Багиры промурлыкала она.

– Посмотри сюда... – невнятно произнёс придавленный Робби и заменил штормящие экранные волны видом звёздного неба.

– Ну-у... астероид, что ли, решил подарить, – разочарованно протянула Никки. – Так уже два раза дарил, всё равно никакого толку... Кто-нибудь давно переоткрыл его и назвал именем любимой кошки.

– Обрати внимание на эту светлую точку, показываю её положения на небе за последние два часа.

– И?..

– По моим расчётам – это корабль, и через восемь-девять часов он прибудет к нам...

Бокал Никки смахнулся со стола и стал очень медленно падать на пол.

– Копыта Козерога! Как?! Когда ты узнал?!

– Засёк в телескоп два часа назад, думал – мелкий астероид. Сорок минут назад отсуммировал данные, рассчитал букет возможных траекторий, понял, что объект тормозится, прикинул возможное время прибытия и...

– И ты молчал целых сорок минут!

– Я решил, что тебе надо дать спокойно поесть, потому что силы тебе будут сейчас очень...

– Бездушная железяка!

Пятикилометровый астероид медленно вращался, подставляя Солнцу серые, изрытые кратерами бока. К освещённому краю космической каменной горы, пофыркивая маневровыми двигателями, подплывал патрульный крейсер Спейс Сервис с амбициозным названием «Марсианская Джоконда».

В рубке «Джоконды» вполголоса переговаривались командир крейсера – лейтенант Дик Джонсон-бей и глава спасательной группы Патрик де Рубиник.

– Посмотри-ка! – Командир вдруг указал на тускло блестящую конструкцию из шаров и цилиндров, показавшуюся из-за горизонта астероида. – Разрази меня гром! Это не просто зонд, а целый корабль!

– Судя по всему, – напряжённо всмотрелся Патрик в экран, – малый исследовательский фрегат класса «Фобос». Но оранжерея явно больше обычной... И не очень понятно с рубкой... Ага! Именно рубкой он и ударился. Похоже на зверски неудачную посадку...

– Эх, бедолаги... – Капитан крейсера был молод и откровенно расстроился.

– Компьютер, – скомандовал негромко глава спасателей. – Дай список судов, пропавших без вести в районе этих орбит.

На экране появились изображения семи кораблей.

– Класа «Фобос» только два, – попытожил Патрик, – из остальных похож ещё древний «Ганимед»... Нет, у него сбоку заметный выступ шлюза. Все случаи – старые: один «Фобос» пропал в тридцать первом году, второй – десять лет назад. Значит, живых нет. Сигналы, очевидно, из автоматического аварийного блока. Почему только такие слабые? Корабль-то – удивительно, но почти цел... В подобных случаях SOS-системы поют на всю Солнечную систему в десятке диапазонов...

– Кого возьмёшь? – спросил лейтенант Джонсон-бей.

– Пойду с медиком-стажёром Бениной, пусть привыкает... – Патрик вздохнул и наморщил лоб. Из-за этой привычки на его загорелом лбу выделялись светлые полосы.

Две фигуры в скафандрах выбрались из шлюза приземлившегося крейсера, наклонились вперёд и плавно, будто в воде, двинулись к разбитому кораблю.

– Восьмого марта 52 года. Расследование аварии фрегата класса «фобос» на астероиде номер 4654. Запылённость обшивки небольшая...

Старший спасатель, не теряя времени, привычно бубнил в микрофон информацию для рапорта. Кибер-ассистент Патрика оформлял реплики в официальный отчёт, уточняя имя и размер астероида, приставляя к годам всем известный век и убирая нечаянную ругань и жаргонизмы.

– Не думаю, что он стоит здесь больше нескольких лет... Фатальные повреждения рубки... Уровень радиации снаружи в норме... Шлюз реголитом не засыпан, пробуем войти через главные двери...

Фрегат вблизи увеличился до размеров трёхэтажного дома, и стало видно, что весь он практически уцелел. Лишь шар передней рубки, принявшей на себя весь удар при несчастливой посадке, смялся под чудовищной силой инерции и глубоко вдавился в рыхлый грунт, усеянный оскаленными валунами и серыми скалами.

Патрик с Бениной подошли к главному шлюзу. Вдруг его массивные створки бесшумно раскрылись.

– Канис меня задери!.. – осёкся Патрик, всё ещё бормотавший в микрофон. – Рулевой компьютер цел, что ли? База, нас приглашают...

Они осторожно заглянули в проём люка и, не найдя ничего примечательного в открывшемся шлюзе, забрались в него. Входная дверь плавно закрылась, и в камере зашипел воздух.

– Святой Амбарцумян! Здесь даже воздуховоды исправны!

Когда же открылся внутренний люк шлюза, то космонавты остолбенели и онемели...

В ярко освещённой кают-компании их встречала высокая худая девочка с огненно-рыжими волосами, одетая в длинное, почти до пола, вечернее платье изумрудного цвета, очень помятое и не по росту. Глубокое декольте платья открывало неуместную белую майку-безрукавку с застарелыми пятнами и лохматой прорехой на плече, а на спине девочки красовался ещё и чёрный засаленный рюкзак. Пыльные босые ноги подростка нервно переминались на светлом пластике пола.

– Здравствуйте, люди! Приветствую вас на борту «Стрейнджера», – срывающимся голосом сказала девочка. – Как же вы медленно чалились! Проходите, пожалуйста, и садитесь! Гость – это драгоценный камень на подушке гостеприимства! – И она указала на роскошно сервированный стол.

– База, у нас живой человек!.. Очень странный... – очнулся и сдавленным голосом сообщил спасатель.

– Сам вижу... – ошарашенно откликнулся лейтенант Дик из рубки патрульного крейсера. – Эвакуируйте её немедленно!

– Спокойно, я ещё не разобралась...

Медик Бенина немедленно взяла ситуацию в свои руки, как и полагается, если вопрос идёт не просто о разбитом корабле, а о живом человеке, и быстро отбросила шлем за спину.

– Здравствуй! Как у тебя мило! – улыбнулась она девочке.

Спасатель посмотрел на анализатор атмосферы, помедлил и тоже снял шлем.

– Привет! – хрипло сказал он.

Вдруг девочка смело подошла к ним и неожиданно потрогала прямые белокурые волосы Бенины – та стояла, замерев, – потом поерошила жёсткие каштановые кудри Патрика и даже слегка потянула их – тот только удивлённо таращил глаза.

– Демон Максвелла! Совсем другие! – явно огорчилась девочка и стремительно повернулась к столу.

Патрик и Бенина посмотрели друг на друга – Патрик вопросительно округлил глаза, но Бенина поднесла палец к губам – тихо, мол, – и сделала приглашающий к столу жест. Вслед за медиком спасатель послушно снял скафандр, и они прошли в середину кают-компании, всё ещё ошеломлённо озираясь.

Стол оказался сервированным на несколько персон, с целой батареей бутылок с вином и тарелок с разноцветными салатами. В центре стоял гигантский благоухающий букет жёлтых роз.

– Я знаю... я читала... вы с дороги и устали, вам нужно обязательно поесть и отдохнуть... Эх, так и не поняла, что значит «баньку истопить»...

Бормоча, девочка в почти лихорадочном возбуждении орудовала у плиты. Она достала из духовки огромное блюдо, полное жареной форели, и поставила его на стол.

– Вот... вы самый большой, вам – Эрика...

Она ловко нагрузила и подала Патрику тарелку с ещё скворчащей крупной форелью. Спасатель, прошедший через десятки аварий, кровь и трупы, всё никак не мог прийти в себя от такого странного оборота: на разбитом корабле вместо разгребания грязных обломков он попал на званый приём.

– Помилуй меня протуберанец!.. Кто это – Эрик?.. – растерянно спросил он, взяв тарелку и наколов на вилку кусочек рыбы с золотистой корочкой.

– Это я вам одного знакомого зажарила...

Патрик чуть не подавился.

– А! – махнула Никки рукой. – Он всё равно был неважным собеседником... Да и мне уже ничего не нужно... Я ведь могу отправиться с вами?

Она встрепелась и ожидающе посмотрела на гостей.

– Конечно! Мы за тобой и прибыли... – дипломатично покривила душой Бенина, поглядывая на окологлазый монитор. – Тебя зовут Никки?

– Да. Вижу, вы уже получили мой файл. А как ваши имена?

– Бенина Мильдоса-Рен.

– Патрик де Рубиник.

– Невыразимо приятно... Попробуйте зелёный салат, это авокадо. – Никки подвинула к ним одну из тарелок. – Я его редко делаю – очень медленно растёт, ленивая скотина... Но безумно вкусен, особенно с оливковым маслом – его синтезирует мой биохимический реактор. Да и форель я хорошо готовлю... Так, конечно, мне кажется – сама рыба угрюмо молчит на эту тему.

– Всё просто потрясающе! – удивилась Бенина, попробовав угощение. – Когда ты столько наготовила?

– Да я уже девять часов за вами слежу! Волосы даже успела покрасить, лучшее мамино платье достала...

– А волосы зачем красила? – по-женски заинтересованно спросила Бенина.

– Ну... – уклончиво сказала девочка. – Рыжий вроде бы хорош к зелёному платью.

– Ты здесь... одна? – осторожно задала медик вопрос, который, как она опасалась, мог вызвать серьёзные осложнения.

– Да. – И девочка отвернулась к плите.

Патрик оторвался от вкусной форели и настороженно спросил, возвращаясь к профессиональным обязанностям:

– Никки, ты можешь рассказать, почему произошла авария?

– Я неважный летописец, – сказала Никки, не поворачиваясь, – пусть вам Робби объяснит...

– Кто это – Робби? Ещё один знакомый?

Баритон компьютера неожиданно наполнил рубку, заставив гостей вздрогнуть. Робби вступил в разговор очень официально:

– Докладываю резюме последнего полёта. Научный корабль МарсоИнститута «Стрейнджер» вылетел 15 февраля 42 года по маршруту Марс – Земля с двумя членами экипажа, Айваном и Сюзан Гринвич. Пассажир – Николь Гринвич. В ходе полёта экипаж открыл второй, ранее неизвестный спутник астероида 4654 и решил пролететь возле редкой тройной планеты для сбора научных данных. Это противоречило запланированному маршруту, поэтому пилоты ничего не сообщили базе о предполагаемом манёвре. Третьего марта, в момент сближения с главным телом астероида, на корабль было совершено внезапное нападение, в результате чего он столкнулся с планетоидом, рубка разрушилась, и экипаж погиб. Пассажир Никки Гринвич осталась жива.

Сразу три голоса слились в хоре:

– Что-что?!

– Какое нападение?!

– И ты мне ничего не сказал?!

Робби переждал шум и ответил сначала Никки:

– Извини, пожалуйста, но ты никогда не спрашивала прямо, а сам я счёл эту информацию разрушительной для твоей психики в условиях подобной изоляции.

Бенина удивлённо подняла брови и машинально кивнула.

– На корабле есть множество доказательств нападения, – сказал Робби. – Практически вся электроника корабля в критический и точно рассчитанный момент времени была выведена из строя электромагнитным выстрелом. Боевые поля вызвали сверхсильные токи и массовые короткие замыкания в электрических цепях. Корабль оказался полностью парализован и разбился об астероид. Можете убедиться сами: начинка большинства микросхемных блоков расплавлена или повреждена. Я еле собрал из остатков слабенький SOS-передатчик.

– Кто... это сделал? – Никки опустила на стул, и её синие глаза потемнели от давней боли.

– Не знаю... – ответил всезнающий Робби.

Бенина с тревогой смотрела на девочку. Лицо Никки побледнело и покрылось испариной. Бенина не знала, что в этот момент острая боль пронзила шею девочки, а её ноги стали неметь. Так всегда случалось, когда прошлое дотягивалось до Никки.

Робби уверял её, что это лишь фантомная боль. Робби – хороший друг, но он так и не понял своей электронной головой, что человек живёт в мире иллюзий, которые реальнее реальности.

Любой ребёнок пребывает в непоколебимом и наивном убеждении, что родители всегда будут рядом с ним, ласковые и заботливые. Слишком ранняя потеря иллюзий может так ранить душу, что даже воспоминания будут причинять невыносимую боль – да-да, конечно, фантомную, но всё равно пронзительную, сбивающую с ног.

Через некоторое время девочка пришла в себя и даже подала гостям свежесваренный чай. Кажется, он не привёл их в восторг, но это была последняя её заварка – сама девочка не пила чая уже года два.

Патрик встал из-за стола и отправился на осмотр корабля, обшаривая все углы своей коллекцией анализаторов. Никки всё ещё находилась в полушоковом состоянии от прилёта гостей и от драматического сообщения Робби, но по-прежнему старалась играть роль гостеприимной хозяйки – и где только научилась подобной светскости?

Девочка показывала Бенине, как она тут хорошо устроилась, хвасталась оранжереей, розами и прудом с форелью. Бенина не подавала виду и даже вежливо восторгалась, но позже почти в истерике рассказывала лейтенанту Дику, с которым была на дружеской ноге:

– Десять лет без родителей и взрослых! Никакой медицинской помощи... О боги! Она молочные зубы дёргала себе сама!.. Волосы не стрижёт, а пилит каким-то жутким резакон, непонятно, как голову себе не отрезала... Отслеживаются периоды серьёзного голодания... все руки в шрамах и мозолях! А эти живые цветы перед заклиненной дверью рубки! Провести всю жизнь возле могилы родителей... Ни школы, ни подруг... Я, взрослая, – с ума бы сошла! А она, поразительно, – весёлая, как жаворонок!

И вот вещи Никки упакованы в два больших кофра, и возле шлюза собралась группа людей: Патрик, Бенина, Никки, сам лейтенант Дик, не усидевший в командирском кресле, и ещё один корабельный врач – глава крейсерного медотсека.

– Ты уверена, что твоих родителей нужно оставить на корабле? – осторожно спросил у девочки лейтенант в скафандре с откинутым шлемом. – Мы могли бы попробовать откопать рубку снаружи или вскрыть дверь изнутри...

– Что вы собираетесь делать со «Стрейнджером»? – в ответ спросила Никки.

– Ничего, – удивился лейтенант Дик. – Он полностью выведен из строя и давно списан. Все нужные данные с него мы сняли.

– Тогда он остаётся моим домом. С собственным семейным кладбищем... Родители тут были вдвоём так долго, что... не знаю, как вам это объяснить... – нахмурилась Никки. – У меня нет другого места, куда я могла бы их перевезти... а сюда я ещё вернусь.

Она замолчала, и Бенина стала облачать Никки в скафандр, принесённый с крейсера. Медик ничего не сказала насчёт изумрудного вечернего платья, хотя оно никак не подходило для скафандра, но попробовала снять с Никки чёрный рюкзачок, чтобы присоединить его к чемоданам.

– Нет! Нет! – вскрикнула громко Никки. – Нельзя!

Бенина отдернула руку от рюкзака.

– Почему? – озадаченно спросила она.

– Робби, объясни... – недовольно буркнула Никки, продолжая одеваться.

Робби из рюкзака произнёс длинную тираду, но не посвящённые в таинства медицины поняли из неё только то, что при аварии у пассажирки Никки Гринвич был сломан третий шейный позвонок. С тех пор процессор Робби постоянно подсоединён к шейному импланту Никки, и его отключение вызовет паралич, немедленную остановку дыхания и необратимую смерть первой категории в течение шести минут...

Все слушали Робби в потрясённом молчании и полной неподвижности – за исключением Никки, деловито совмещающей скафандр, вечернее платье и рюкзак. Она уже застегнула шлем, и только тогда эмоциональная Бенина взялась за свой космический костюм, прерывисто не то вздохнув, не то всхлипнув.

По пыльной равнине, усеянной крупными камнями, Никки шла к незнакомому большому кораблю, и её сердце билось сильнее с каждой секундой. Для неё начиналась новая жизнь: неизвестная, волнующая и даже пугающая. Обе луны астероида летели за девочкой, освещая дорогу и провожая в дальнее путешествие. Даже немножко всплакнули вслед.

Шлюз «Марсианской Джоконды» превосходил камеру «Стрейнджера» в несколько раз. Для Никки всё казалось важным и значительным в этот момент: как отодвигается люк крейсера, какие светильники горят под потолком, как воздух не просто наполняет шлюз, а обдувает сильной струёй скафандры, унося астероидную пыль в фильтры.

Наконец девочка шагнула в ярко освещённое нутро чужого корабля – с волнением Колумба, ступающего на землю Западной Индии. Сердце билось уже как сумасшедшее, а дыхание прерывалось: одно дело – принимать гостей в своей кают-компании, где всё знакомо, и совсем другое – самой попасть в чуждую среду обитания.

Никки оказалась в большом зале, где суетились десятка два людей и стояли: небольшой реактивный шаттл, танкетка на гусеницах и трёхметровый в высоту робопук на восьми ногах. Пока Никки, открыв рот, тарасилась по сторонам, Бенина расстегнула ей скафандр и заботливо, как маленькому ребёнку, помогла выбраться из него.

Девочка – озирающаяся, с рыжей лохматой головой, в зелёном мятом платье и с чёрным рюкзаком за спиной – опустила, не глядя, босую ногу на пол, вздрогнула и посмотрела вниз, на металлические холодные плиты, так отличающиеся от тёплого пластика её корабля. Плиты не имели обычной россыпи всасывающих отверстий. «По такому полу трудно шагать, – растерянно подумала Никки, – и для кровообращения это плохо».

На астероиде сила тяжести была в две с половиной тысячи раз меньше земной: бокал падал почти полминуты и ударялся о пол со скоростью десять сантиметров в секунду – в пятьдесят раз медленнее, чем на Земле. Вокруг пруда висела сетка, не дающая непоседливым рыбам выпрыгивать и летать по оранжерее.

Передвигаться по кораблю помогали вентиляционные отверстия в полу, которые вакуумными присосками притягивали босые ноги девочки. «А как же ходить здесь?» – Девочка схватилась за поручень, подняла глаза и обнаружила вокруг себя целую толпу встречающих:

вся команда крейсера, за исключением вахты, сбежалась к шлюзу – посмотреть на космическую Маугли. Десантники Спейс Сервис и матросы крейсерной команды держали в руках всяческие подарки для Никки и собрались поприветствовать её с максимально возможным дружелюбием и тактом.

– Никки, мы друзья! – стараясь отчётливо проговаривать слова, выступил вперёд огромный десантник, топя магнитными бутсами. – Не бойся нас! Это тебе!

Он протянул девочке яркую длинную конфету. Но расстояние между Никки и конфетой всё ещё составляло пару метров – видимо, предполагалось, что девочка сама подбежит за подарком.

– Это очень вкусно! – выступил в поддержку механик в чёрном комбинезоне и протянул Никки красное яблоко на столь же почтительном расстоянии – судя по всему, посланники человечества слегка опасались непредсказуемого поведения дикого детёныша, выросшего даже не в волчьей стае.

– Это можно кушать! Ням-ням! – Механик активно зашлёпал губами и защёлкал массивной челюстью, наглядно подтверждая свои слова.

Приблизился третий контактёр – поварёнок в белом комбинезоне и с апельсином в руках.

– Ты нас понимаешь? Ты умеешь говорить? – озабоченно спросил он, коверкая язык для большей понятности.

Ответа от изумлённой Никки, испытывающей шок от встречи с таким количеством странных людей, кухонный космический волк не получил и с досадой сообщил соратникам по контакту:

– Она совсем ни бум-бум, Сверхновая мне в глотку!

Толстеный матрос решил испробовать другой смелый ход: он быстро сел на пол, скрестив ноги по-турецки, и высыпал перед собой кучу разноцветных кубиков. Потом он стал призывно махать Никки руками и хлопать ими по полу, приглашая её сесть рядом и принять участие в столь интересной игре.

Чтобы подтвердить творческий восторг, испытываемый при этом, он стал мычать, гукать, ухать, закатывать от счастья глаза и даже звучно бить себя кулаками в плотную грудь. Речь, как не оправдавший себя способ коммуникации, он не использовал.

Наконец Никки пришла в себя, повернулась к Бенине, сдерживающей смех из последних сил, и заинтригованно спросила:

– Они всегда такие дураки или это невротическая реакция на атипичный стресс?

Крейсер вздрогнул от такого хохота, какого он доселе не слышал. Смеялись, конечно, только те, кто не успел внести свою лепту в дело контакта, – хохоча, они быстро прятали по карманам сладости, цветные фломастеры и нехитрые игрушки.

Четверо смелых побагровели и провалились сквозь землю, бросив кучку кубиков в зоне торжественной встречи двух цивилизаций.

Никки наклонилась и взяла одно из орудий культурного сотрудничества:

– Отличный сувенир, спасибо, джентльмены!

Внутри крейсер Спейс Сервис оказался предельно функциональным, даже подчёркнуто примитивным, и, к удивлению Никки, не имел оранжереи.

– На ооновские деньги не пошикуешь, – объяснила Бенина. – Любой проект с излишествами зарежут. А ты всю дорогу будешь отдыхать в этой суперванне...

И Бенина подвела Никки, с любопытством рассматривающую незнакомые вещи вокруг, к противоперегрузочному кокону в тесном помещении без иллюминаторов.

– При каком ускорении вы летаете? – вздохнула Никки.

– Обычно один «же», при манёврах – до двух-трёх... – сказала Бенина. – Тебе это совершенно противопоказано. Твой Робби – молодец! Он, как мог, заботился о твоём скелете и

мышцах и дал тебе самый полный биохимический курс стимуляции роста тканей в низкой гравитации. Но до госпитального обследования я не могу разрешить тебе никаких нагрузок. Взлетаем через два часа, так что обедать тебе уже не стоит.

– Куда мы направляемся и как долго мне лежать в этом болоте? – спросила Никки, с отворачиванием глядя на «суперванну», залитую густой тёмно-зелёной жидкостью.

– На Луну! – оживлённо воскликнула Бенина. – Для тебя очень важно, что на Луне гравитация вшестеро меньше, чем на Земле... А какие в Луна-Сити бутики! Я сто лет не была на Луне... А долетим всего за пять дней!

– Да за это время я тут заквакаю и начну метать икру...

– Кто же мог напасть на «Стрейнджер»? – спросила Бенина лейтенанта Дика на следующее утро. К этому времени тройной астероид, необитаемый остров Никки, остался далеко позади, и крейсер вовсю мчался к самой желанной цели всех космонавтов – к двойной родине Земля-Луна.

– Совершенно бредовая история, – ответил лейтенант. – Флоты династий нередко втихую лупят друг друга, но это же исследовательский ооновский корабль! Кому сумели помешать эти учёные божьи одуванчики? Что у них можно отнять – коллекцию только-черти-знают-каких спектров никому, кроме них, не интересных звёзд? Анализы окаменелых какашек марсианских динозавров? Уголовный департамент Спейс Сервис уже начал расследование, пусть копают. Хотя прошло десять лет...

– Десять лет! Никак не пойму, – удивлённо пожала плечами Бенина, – как девочка смогла выжить так долго на разбитом корабле...

– Она не кажется тебе странной? – спросил лейтенант медика-стажёра.

– Конечно! – ответила Бенина. – Упорное нежелание ходить в обуви; смешное вечернее платье; говорит со своим компьютером, как с человеком, да ещё разными голосами; всем волосы трогает... Но это сущие мелочи – поразительнее всего то, что ей удалось вырасти на астероиде в подростка, близкого к физической норме. Её компьютер – большая умница и нахал: добиваясь наилучшего физического развития девочки, он проводил над ней такие смелые эксперименты! В обычных условиях ни один медик на них не решился бы. Робби заставлял её часами ходить в скафандре – имитаторе нагрузок. С точки зрения нормального человека – это просто жестокость! Более того – девочка умна, свободно поддерживает разговор и не впала в шок при виде людей. Чудеса! Ну и что мы будем с этим... с этой Маугли?

– Согласно её документам, – вздохнул лейтенант, – у девчонки нет близких родственников. По закону, таких несовершеннолетних мы должны передавать в Детскую комиссию.

– В приют? – ахнула Бенина. – В эту колонию для генетического трэша? А ты знаешь, что там девяносто процентов детей сидит на фармакоррекции?

– Я слышал, что кто-то находит себе новых родителей, – пробормотал Дик. – У Никки нет явных генодефектов, так что...

– Ну да, конечно! – саркастически сказала Бенина. – Кто-то вдруг раз – и удочерит девочку со сломанным позвоночником и подключённым компьютером. Сейчас даже одинокие люди оплачивают искусственное рождение собственных детей... Никто уже не усыновляет чужих. Родители из «нижних пяти процентов» массово отправляют в интернаты детей с плохим геноиндексом – врождённым клеймом неудачников. Приюты переполнены, и о них рассказывают кошмарные истории. Я бы таких родителей самих куда-нибудь отправляла! – мрачно закончила она.

– Думаю, ты преувеличиваешь, – осторожно сказал Дик. – В интернатах живёт множество детей...

– А ты знаешь статистику: родители, отдающие своих детей в приюты, часто сами вышли оттуда? У них коэффициент интеллекта отстаёт от среднего, и рождаемость в их семьях существенно ниже нормы. Многие врачи полагают, что психотропики отрицательно влияют на высшие человеческие эмоции и на творческий потенциал мозга, – со злобной миной сказала Бенина. – Но их никто не слушает, выпуск психопрепаратов – очень выгодный бизнес...

– Материнский инстинкт – это базисный драйв! Как его могут изменить? – удивился лейтенант.

– Ты даже не представляешь, чего там только не могут... – саркастически процедила Бенина. – Приютская нейрофармакология нацелена на социолояльность и трудолюбие. Родительские чувства там не в фаворе.

– Такая евристическая программа заметно гуманнее нейтронной стерилизации, о которой трюндит Партия Генетического Возрождения, – заявил лейтенант Дик.

– Тарантул с ней, с большой политикой! – воскликнула Бенина. – Что нам делать с Никки?

– Ты – её лечащий врач на данный момент, – сказал Дик. – Организуй Никки аварийную медицинскую страховку – хотя бы временно спасёшь её от приюта. Я тут бессилен и связан жёсткой инструкцией. Мы не можем взять и высадить девчонку в Луна-Порте. Любой полицейский отправит её в тот же детский дом, а ещё хуже – она попадёт в руки подпольных дилеров... Что и говорить, симпатичная девочка в её возрасте... Да ещё секта натуралистов активизировалась в Луна-Сити... Клонированные печёнки, видишь ли, им не нравятся... Сволочи, извращенцы... Самих бы порезать на запчасти...

Бенина глубоко задумалась под мизантропическое брюзжание лейтенанта Дика.

Глава 2 Джерри

Джерри, высокий худощавый подросток с длинными тёмно-каштановыми волосами и голубыми глазами, тоскливыми, как у больной собаки, сидел в кафе Лунного госпиталя за одним столом с Хромой Тоной и Пятнистым Сэмом.

У него было вполне симпатичное, но очень расстроенное лицо с впалыми щеками, крупным прямым носом и выступающим упрямым подбородком. Уголки его губ опускались вниз.

Он без аппетита ковырялся в утреннем омлете, впустую крошил кукурузный хлебец и вполуха слушал болтовню Тоны.

Она сломала обе ноги при аварии экскурсионного мун-кара и вторую неделю ходила на костылях, вернее, в силовых штанах, но ничуть не потеряла душевной бодрости, а также стремления добывать новости и активно их распространять. Даже на костылях она бегала быстрее, чем другие своими ногами.

– Эту рыжую девчонку уже неделю держат в палате-интенсивке под замком! И никуда не выпускают! Она десять лет жила в космосе как сущий дикарь, прямо робинзон какой-то. Её привезли сюда, потому что она с ног до головы больна! Икающий Билли говорит, что девчонка просто кошмарный монстр – вся в коростах и шрамах, ходит исключительно на четвереньках... Говорить не умеет, на всех рычит и здорово кусается... Двум санитарам уже сделали прививки от космического бешенства!

Тона перемывала косточки новенькой, привезённой в госпиталь несколько дней назад. О чудесном спасении космической Маугли почти час гудели новостные тивиканалы, пока дружно не переключились на скандальное бальное платье младшей принцессы Гогеншильдов.

Пятнистый Сэм лихо управлялся с огромной порцией бекона и согласно кивал словам Тоны – сам тот ещё красавчик после редкой формы аллергии, разбросавшей по его широкой физиономии яркие красные пятна.

Джерри мысленно застонал от трескотни Тоны, раздражённо отпихнул тарелку с омлетом и допил апельсиновый сок. Начинался очередной, чудовищно тоскливый день в детском департаменте Лунного госпиталя.

Дверь открылась, и в кафетерий вкатилась инвалидная коляска. За ней размашисто шагала сама Большая Тереза в белом медицинском халате. Хмуролицая Тереза направила коляску к ним и поставила её к пустующей стороне стола.

В кресле на колёсах сидела тощая рыжая девчонка в сером госпитальном комбинезоне и тарасила на них большие синие глаза.

Пятнистый Сэм уронил недоеденный бекон на одноразовую тарелку, Тона поперхнулась лимонадом, а Джерри уколола жалость: растерянная девчонка в коляске больше всего походила не на монстра, а на бездомного котёнка. Потом он вспомнил ещё и тивиновости про эту рыжую, что она – круглая сирота... и сердце его снова сжалось и заскрипело от боли.

– Так, пациенты, это Никки, – сказала сердито Большая Тереза, а потом властно обратилась к Джерри: – Джерри, помоги новенькой освоиться в нашей обстановке. У меня куча дел... Эти космонавты любят доставлять хлопот... вертопрахи... подбросили и улетели!

Джерри проглотил комок в горле, кивнул и перевёл глаза с Большой Терезы на новенькую девчонку. Тереза мгновенно исчезла по своим делам.

– Привет, Никки... э-э... завтракать будешь? – с трудом выговорил Джерри.

Девочка пристально глядела на него синими глазищами. Её ноги были босы, а рыжие волосы подстрижены неровными прядями и взерошены. Ногти – обломанные и грязные, на правой руке – длинный старый шрам.

– А где взять еду? – смешно спросила она и оглянулась по сторонам.

Голос её звучал громко, но слегка неуверенно. Ребята за соседними столиками с интересом глазели на них.

«Слава всем маркаряновским галактикам! Она умеет говорить!»

Джерри вызвал для Никки робота-официанта.

– Просто скажи, что ты хочешь съесть на завтрак, – сказал Джерри, когда робот-кентаврик с длинной шеей подъехал к их столу.

– Можно заказать всё, что пожелаешь? – с восторгом спросила новенькая.

Джерри кивнул довольно, будто сам был этим невидимым поваром-умельцем.

– Конечно, – сказал он. – Госпиталь дерёт с наших страховых компаний такие деньги, что нас должны кормить дикими рябчиками на золотой посуде.

– Да брось, Джерри, закажи ей лучше пару живых крыс или летучих мышей – что она там привыкла есть на астероиде?... – крикнул из-за соседнего стола вертлявый курносый подросток, а остальные посетители кафе заржали.

Рыжая девчонка не обиделась, а тоже громко засмеялась и с удовольствием стала диктовать роботу:

– Свежую форель, жаренную в муке, с картофельным пюре... Авокадный салат... э-э... с оливковым маслом и крабами... Только не надо солить – я сама... Чашку бразильского кофе и ещё...

Кто-то из компании за соседним столиком, заваленным гамбургерами, чипсами и коллой, тихо присвистнул.

– ...ещё ломтик дыни и... и... мороженое с шоколадом и клубникой! Да! – и большой бокал двухлетнего марсианского кьянти.

Тут весь кафетерий грохнул, оценив шутку новой девчонки и предвкушая нотационную реакцию официанта. Кентаврик действительно замялся, но произнёс мелодичным голосом неожиданное:

– Свежей форели, к сожалению, нет. Есть синтетическое мясо форели и свежемороженый прудовый лосось.

Никки важно кивнула.

– Лосось сойдёт, прудовая рыба – мой любимый деликатес... – весело сказала она. Некоторые слова новая девочка выговаривала со странным акцентом.

Робот попятился от столика и укатился, а все кругом загалдели, обсуждая эту рыжую и её забавный заказ. Тона убедилась, что новенькая ещё не собралась достаточно с духом, чтобы её, Тону, покусать, и заинтересованно затараторила, разглядывая Никкины волосы, лицо и тонкие запястья, охваченные рукавами-усилителями:

– А что у тебя болит? Ты читать-то умеешь? А сериал «Ужасные космические приключения Боло» тебе нравится?

Никки внимательно уставила на Тону яркие синие глаза, молча осмотрела её ноги, закреплённые в силовой кобуре костылей, потом неожиданно протянула руку и потрогала Тонины чёрные кудри.

– Ты чего?! – Тона испуганно шарахнулась от новенькой людоедки.

Та задумчиво пожала плечами и ответила, методично следуя пулемётной очереди Тониных вопросов и слегка усмехаясь:

– У меня ничего не болит. Умею читать... и даже есть вилкой из тарелки. А телевизора у меня на астероиде не было, хотя космических приключений – навалом...

– А ты – лунатик? Или марсианка? – задала Тона обычный вопрос космических жителей.

Девочка подумала и ответила неожиданно:

– Я столько лет прожила одна на астероиде, что, пожалуй, я – астровитянка.

– Так это тебя спасли с астероида? – тут даже до тупого Сэма дошло. – Ты – девочка-монстр?!

– Спасли? – Никки весело засмеялась. – Я там совсем не тонула, просто жила. Правда, мне очень хотелось посмотреть на новые места... Поразительно, сколько людей сразу!

Она окинула восхищённым взглядом кафетерий, где на неё уставилось полсотни детских лиц – никто и не подумал расходиться после завтрака! – скользнула синими глазами по лицу Пятнистого Сэма и с некоторым облегчением перевела их на Джерри. И заинтересованно спросила его, а не Сэма-аллергика:

– А почему я – девочка-монстр?

– Не обращай внимания, – махнул рукой Джерри. – Сон разума рождает чудовищ.

– Ух... так забавно разговаривать с человеком! – опять засмеялась новая девочка.

Неожиданно она протянула руку и ласково взъерошила длинные волосы Джерри. Он не шарахнулся, как Тона, но здорово покраснел – что эта девчонка себе позволяет? И чего она такое внимание уделяет чужим волосам?

Кто-то из соседних ребят громко засвистел. Из неловкого положения Джерри выручил робот, притащивший первую часть заказа – авокадно-крабовый салат и... пузатый бокал с красным вином!

Кафе взорвалось улюлюканьем и хохотом:

– У робота мягкий глюк!

– Ребята, быстрее – заказываем всем шотландский скотч на камнях!

– Мне, пожалуйста, «Кровавую Мэри»!

– А я бы «Мун-Гиннес» выпил!

Никки невозмутимо и с удовольствием сделала большой глоток:

– Неплохо! – и приступила к салату, зыряка по сторонам своими синими глазищами. А кругом стоял шумный галдёж – что-то говорила Тона, кто-то безуспешно пытался заказать у робота пиво...

Худое лицо Джерри постепенно принимало нормальный оттенок. «С ней надо быть настороже, – решил он, – она очень странная... но, конечно, не монстр, а... – Джерри смущённо покосился на энергично жующую Никки, – вполне симпатичная...»

– Что хочешь посмотреть? – спросил он после завтрака, держась от Никки на расстоянии чуть дальше вытянутой руки.

Никки снова засмеялась – она вообще очень много смеялась:

– Всё, конечно! Но хорошо бы начать с комнаты... – она посмотрела на выданный ей чип-ключ, – номер пятьдесят девять, куда меня поселили, а я туда ещё не заходила.

Они вышли из кафе, провожаемые взглядами любопытных, и Джерри пропустил вперёд Никкину коляску. Они подошли к лифту с уже открытой дверью, и Никки остановилась.

– Заходи, – пригласил её Джерри.

– Куда? – удивилась Никки. – Это же тупик, здесь нет прохода...

Джерри хмыкнул и зашёл в лифт первый, поманив Никки за собой. Та, недоумевая, въехала в тесную комнатку. Двери закрылись и комнатка поехала. Никки завопила с восторгом:

– Это лифт! Лифт! Я читала, читала!

И они стали кататься вверх и вниз.

– А почему ты в коляске, если у тебя ничего не болит? – спросил Джерри с некоторой опаской – не залез ли он слишком далеко в не свои дела?

– Тереза говорит, что это совершенная необходимость, – охотно, но с явным разочарованием этой необходимостью ответила Никки. – Из-за того, что я выросла в почти-невесомости на астероиде, у меня часть мышц плохо развита. Если я буду передвигаться на своих двоих, даже в слабой лунной гравитации, то получу массовое – и, говорят, очень болезненное, вот ведь скотство какое! – растяжение этих мышц, да и часть костей у меня ещё слабовата, – самокритично закончила она. – Поэтому мне нужно тренироваться каждый день, пить стаканами какую-то дрянь и ездить в этом кресле... тут в спинке фиксаторы и микроволновые стимуляторы для роста мышц и костей.

– А-а, – с облегчением протянул Джерри. – Ну, это не страшно – Большая Тереза быстро тебя на ноги поставит.

– А ты почему не в коляске? – в свою очередь спросила Никки у Джерри.

– В смысле? – не понял Джерри.

– Это же госпиталь, – засмеялась Никки, – а ты выглядишь здесь самым здоровым.

Джерри долго медлил с ответом.

– Я здесь из-за отца... Он погиб два месяца назад и... Короче, они считают, что меня надо держать под наблюдением... Как психа какого-то! – вдруг взорвался Джерри.

Никки помолчала и удивительно мягко произнесла официальную формулу сочувствия:

– Приношу тебе свои соболезнования... – и взяла его за ладонь. Хотя они были в лифте и никто их не видел, но Джерри всё равно не выдержал и резко вырвал свою руку.

– Не надо меня жалеть! – крикнул он со злостью.

Катание закончилось. В лифте воцарилась пауза вплоть до нужного Никки этажа.

Подходя к двери пятьдесят девятой комнаты, Джерри уже раскаивался.

– Думаю, они держат меня здесь до конца выкачивая мою медстраховку... а может, они не знают, куда меня деть, – проворчал он примирительно. – У меня не осталось родственни-

ков, а процесс... – он запнулся, – усыновления... это... Короче, извини, ты не понимаешь, как это всё трудно для меня...

Никки молча изучила схемку на двери, открыла чипом дверь и только потом посмотрела на Джерри.

– Почему же не понимаю... – медленно сказала она. – Я потеряла родителей десять лет назад. По сравнению со мной ты – счастливчик... ты жил с отцом многие годы, играл с ним, разговаривал... Это, наверное, здорово – помнить родителей не только по смутным снам...

Она вкатилась в комнату, а растерянный Джерри остался топтаться на пороге. Прежде чем он решил, что ему делать дальше, девушка-Маугли крикнула в открытую дверь:

– Заходи! Если хочешь, конечно...

Джерри вошёл и осмотрелся. Обычная госпитальная комната – как у него, с единственным отличием: в окне виднелся не поднадоевший лунный пейзаж, а зелёный внутренний сад госпиталя. В багажном отсеке стояли доставленные заранее вещи Никки.

– Как здесь здорово! – глядя в окно, весело сказала Никки, как будто это не она говорила минуту назад слова-камни о смерти своих родителей. – Можем мы пойти в эту теплицу?

– Это сад, – машинально поправил Джерри. – Конечно... Там есть озеро и живут Томми и Тамми.

– Кто это?

– Сейчас увидишь.

Вскоре они входили в огромный сад Лунного госпиталя, занимающий несколько акров и заросший цветущими догвудами, мелкой лунной елью и олеандровыми кустами. Природа выглядела вполне дикой, разве что её было многовато – ни метр пространства не пропал. Впрочем, многочисленные дорожки из светлого бетона прореживали излишнюю густоту жизни в саду.

Пока они двигались по тропинке к озеру, девочка с изумлением показывала вокруг на щебечущих птиц, ярких бабочек и крупных искристых жуков. Синие глаза её горели, а непосредственная радость и азартный смех Никки были так заразительны, что даже Джерри улыбнулся, глядя на неё и не сознавая, что улыбается первый раз за два месяца...

Когда они выбрались на полянку возле озера, где паслась пара оленей – Томми и Тамми, то от восторга девочка чуть не выпрыгнула из кресла, и только мудрые силовые фиксаторы коляски удержали её от необдуманного поступка.

– Белохвостые олени, – сказал довольный Джерри, когда они подъехали ближе.

– Они не убегут? – задыхаясь от волнения, спросила Никки.

– Нет, они нас не боятся.

Джерри погладил по жёлто-коричневой спине Томми, в отличие от своей подруги более крупного и украшенного ветвистыми рогами в три отростка. А Тамми заинтересованно подошла к девочке и ткнулась в её колени длинной изящной мордой с чёрным носом.

– Их запрещено кормить, чтобы не отучать от привычной травы, но ребята всё равно таскают им еду из кафе... Вот она и интересуется, не принесла ли ты чего вкусенького. Тамми большая сладёна.

Никки протянула дрожащую руку, осторожно погладила Тамми между чуткими ушами и засмеялась таким громким и счастливым смехом, что даже невозмутимый Томми оторвался от клевера и внимательно посмотрел на новую девочку выпуклыми тёмными глазами.

Никки отказалась уйти из парка даже на обед, и тогда Джерри притащил из кафе томатно-манговый сок и пиццу размером с велосипедное колесо. Они устроились на зелёной лужайке на берегу небольшого ручья.

Прозрачный поток мягко журчал по большим округлым камням и не спеша впадал в озеро. Ослепительное солнце проникало сквозь крышу сада и грело, как в тропиках. Птицы оживлённо верещали и вскрикивали в прибрежных зарослях. Большая бабочка с синими

псевдоглазами на почти чёрных крыльях озабоченно рылась в розовом кусте, пытаясь найти себе что-нибудь на обед.

Девочка бросала кусочки пиццы в воду, где толпились в пиршественном предвкушении толстые белые и красные рыбы, высовывая объёмистые рты из воды. Стая рыб сгрудилась так плотно, что водяная черепашка никак не могла доплыть до места трапезы. В конце концов она забралась на рыби спины, паркетом выступающие из воды, и заковыляла по ним, словно посуху, сопровождаемая Никиными одобрительными восклицаниями.

Астровитянка много рассказывала Джерри о своей каменной планетке, прыгая с одного на другое: об оранжерее, где она выращивала себе завтрак, обед и ужин, о самом большом животном, виденном ею в жизни, – рыбе Эрик и о своём замечательном друге Робби.

За это время Джерри познакомился с Робби – с чёрным плоским ящиком из рюкзака в кармане коляски, рассказал Ники множество смешных историй и сам, вместе с девочкой, смеялся над ними.

Развеселить её оказалось легче лёгкого – она не знала ни одного бородатого анекдота, даже про одноногого космонавта, который играл в хоккей, и ни одной, всем известной, школьной шутки или розыгрыша. А когда Джерри вспомнил замшелую детскую хохму насчёт отморозенных назло бабушке ушей, то у Ники от смеха началась икота.

Красная птица с хохолком и сердитым чёрным пятном-маской вокруг клюва быстро слетела на Никино колено в ожидании угощения, и девочка ойкнула от неожиданности, отпугнув этим попрошайку.

– Это красный кардинал, красивый и, естественно, глупый, – хмыкнул Джерри. – У нас дома... я имею в виду – на Земле... кардинал часами бился в оконное стекло клювом, аж обгадится от усилий, отлетит, отдохнёт и снова в атаку. Удивительный болван. Что он там видел, куда рвался? – загадка... Кардинальша была не такая яркая, но заметно умнее и никогда такими глупостями не занималась – при таком упёртом отце семейства забота о птенцах была явно на ней... Мы с папой выдвинули кучу забавных гипотез насчёт поведения глупой птицы. Например, «синдром сумасшедшего исследователя»: кардинал видит отражение в стекле деревьев и неба и неумоимо пытается прорваться в это загадочное Зазеркалье... Он же, дурачок, не понимает, что это иллюзорный мир, отражение его родного леса...

Ники долго извинялась перед кардиналом, соблазняла его самыми вкусными кусочками, и он простил её.

Ярко-красная птица с чернеющими пёрышками на крыльях клевала крошки в узкой ладони, а девочка блаженствовала, ощущая на руке беспокойную тяжесть симпатичного живого существа...

Они ушли из сада, только когда купол затенился и вдоль тропинок включились ночные фонарики. На пороге своей комнаты Ники убеждённо сказала:

– Сегодняшний день – лучший день в моей жизни... за последние десять лет уж точно... Спасибо тебе, Джерри! – Она протянула ему руку.

Джерри от души пожал Никину ладошку.

– Да, неплохой был денёк, – сказал он, широко улыбаясь.

Наутро Джерри пришёл в кафе рано и сидел за столом без обычных мрачных мыслей о предстоящем дне. Тона, сгорая от любопытства, стала расспрашивать о Ники – кусается ли она и умеет ли ходить на двух ногах?

Пятнистый Сэм, как всегда, больше интересовался едой. От активной работы челюстями у него шевелились и хрустели уши, что раньше зверски раздражало Джерри, а сейчас только смешило.

Никки подъехала к столу – рыжая, свежая и весёлая. Джерри невольно заулыбался и вдруг почувствовал, что в его жизни появилось светлое пятно, как будто в сырой подвал с пауками проник солнечный луч.

После завтрака они сразу отправились в парк. Никки кормила Тамми печеньем, взятым из кафе, и восхищённо гладила стройную оленью шею, покрытую короткой жёлтой шерсткой. Грациозные животные переступали длинными тонкими ногами и смотрели на девочку печальными карими глазами.

– Почему они такие грустные? – спросила Никки. – Ведь их никто не обижает?

– Это генетическая тоска травоядного существа, которого миллионы лет жрали все кому не лень. Наверное, невозможно избавиться от введшегося в их кости древнего страха перед хищными врагами, от этого тоскливого взгляда. Олень не умеет кричать от боли. Он молчит, даже шагая на сломанных ногах... – вздохнул Джерри. И Никки показалось, что он говорит не только о Тамми и Томми.

Вдруг олени насторожились и огромными прыжками умчались с поляны, перепрыгивая даже небольшие деревья. Легконогие животные отлично приспособились к слабой лунной гравитации, которая позволяла им совершать прыжки высшего пилотажа, невысказанные для земных собратьев.

На дорожке парка стояла двухместная гольфная тележка.

– Что это? – спросила Никки.

– Тележка, на ней катаются по парку.

– А! Это экипаж! – обрадованно воскликнула астровитянка.

– Ну... да. – Джерри был не совсем уверен.

– Он городской или нет? – допытывалась Никки.

– Не знаю... – заколебался Джерри. – Скорее, лужаечный. Зато могу тебя покатать.

Можешь и сама порулить.

Её восторгу не было предела. Джерри закатил коляску Никки на тележку, закрепил её и сел рядом. Никки тронула «экипаж» и почти завопила от переполнявших её эмоций.

Они катались до самого обеда по всем дорожкам, какие только смогли найти в парке. Неожиданно Никки спросила:

– Ты бывал в королевских замках?

– Нет, – отрицательно покачал головой Джерри, – если не считать диснеевских. Как-то так получилось, что у меня нет ни одного знакомого короля.

– А на клавишине ты играешь? – спросила Никки. – Или на лютне?

«Всё-таки она очень странная девчонка...» – подумал Джерри.

Когда они накатались и собрались на обед, Джерри вытащил коляску девочки из «экипажа» на газон. И тут Никки уставилась на его кроссовки.

– Это у тебя шнурки? – с восторгом спросила она. – Я про них читала, но ни разу не видела!

– Шнурки, – согласился Джерри. Он наклонился и быстро развязал, ослабил, потом снова затянул и завязал шнурки.

– Фокусник! – восхитилась Никки. – Гениальная штука!

Она оживлённо стала обсуждать с Робби шнурки, коэффициент трения и силу натяжения как функцию числа зигзагов. Джерри быстро потерял нить их рассуждений.

– Шнурки – это очень древняя конструкция... – Джерри приготовился поразить Никки ещё больше. – Сейчас многие носят обувь с такими короткими поперечными ленточками – нажимаешь кнопку, и слабый ток сокращает их до нужной длины.

– А-а... пьезобелковые электрополимеры, – протянула Никки. – Ну, это тривиально...

В кафе Никки заказала себе на обед кусок жареного мяса – она никогда раньше его не ела. Но, когда ей принесли фирменный «буканьерский стейк», она не стала его пробовать, а внимательно осмотрела, потрогала и даже обнюхала.

– Жёсткий... пахнет странно, – прокомментировала она. – Глядя на эту кость, я чувствую себя слегка неандертальцем...

Посоветовавшись с Робби, она отставила стейк в сторону и ограничилась салатом.

После обеда они решили пойти в библиотеку, но в холле возле кафе их встретила известная госпитальная троица: Фитасс, Спиро и Джумба.

Фитасс – огромный парень, раскормленный до невероятных размеров, – слыл в этой компании вожаком и интеллектуальным лидером. Чтение космо-пиратских комиксов действительно вывело Фитасса на высоты культуры, недостижимые для его друзей: худой бледно-синий Спиро категорически не любил читать и предпочитал всем развлечениям «чистое химическое счастье», надувание лягушек через соломинку и другие научные хобби.

Что же касается Джумбы, то этот низкорослый круглоголовый паренёк ещё не знал, что письменность уже изобрели, и вряд ли у него был шанс это открыть: Джумба находился в состоянии перманентной занятости, и первым пунктом в списке его дел стояло шмыганье носом. Напряжённое лицо Джумбы показывало, что это периодическое и шумное действие требовало полной мобилизации его умственных способностей.

– Клянусь пяткой джедая! – зловеще прогудел Фитасс. – Пора представителям человечества познакомиться с этой дикаркой. Может, она носитель вредных бактерий или чуждых нам моральных ценностей?

Все житейские ситуации Фитасс укладывал в прокрустово ложе комиксных моделей. Никки, естественно, подпадала под категорию опасного инопланетянина, а Фитасс – под супермена, могучего защитника беспечного человечества. Что в комиксах понимается под моральными ценностями, Фитасс ещё не понял, но твёрдо знал: «чуждые» моральные ценности нужно превращать в «наши» и обязательно по самому выгодному банковскому курсу.

Джерри выступил вперёд:

– Отстань от неё.

Фитасс покачал шарообразной головой, возвышавшейся на фут над Джерриной, и шагнул к коляске Никки:

– Только допрос третьей степени может открыть правду!

– Да-да! – поддержал его оживившийся Спиро. – Допрос!

Он очень любил допрашивать кошек.

Джумба в переговоры высоких сторон не вступал – судя по омерзительным звукам, он был, как обычно, интеллектуально перегружен.

Джерри посмотрел на огромного Фитасса и понял, что кулаки тут не помогут. Поэтому, не тратя лишних слов, он отошёл на несколько шагов, пробежался, легко подпрыгнул и врезал обеими ногами по жирной груди защитника человечества.

– А-а! – гулко заорал тот, с грохотом опрокинувшись на спину и огромным слизняком отъехал к стене.

Спиро сразу просёк, что допрос лягушек обойдётся дешевле, и быстро затрусил по коридору. Джумба не понял ничего, но потопал за ним, следуя стадному рефлексу: люди бегут – значит, знают...

Никки смотрела на происходящее круглыми глазами.

Позже, в пустынной библиотеке, она пристала к Джерри как репей: что за удивительные люди?

Джерри поморщился:

– У Спиро родители – легальные наркосапиенсы, они сидят на разрешённых эйфоринах. Спиро по закону их ещё нельзя принимать, но он всё равно находит что вдохнуть, или

втереть, или на что можно натарашиться. Его лечат как нелегального наркочеловека уже второй раз, и из госпиталя он вернётся не к родителям, а в детский дом.

Благодаря ежедневным выпускам «Тона-ньюс» Джерри знал об этой компании заметно больше, чем хотел знать.

– Джумба – уже из сиротского приюта. Явный и обычный геноотстающий... попросту – генотормоз. А Фитасс здесь из-за ожирения: подлечит не справляющийся желудок и вернётся к своим родителям – обычным толстякам класса ПБГ – «пиво-бейсбол-гамбургер».

– А что они хотели от меня, эти бедняги? – удивилась Никки. – Что за бред они несли про моральные ценности?

– Они хотели самоутвердиться за твой счёт, – разъяснил Джерри. – Они парии этого общества, что их и объединяет. Так как глупее себя им никого не найти, то они ищут того, кто слабее их. Издевательство над слабейшим даёт им иллюзию собственной значимости. Абсолютно примитивная и всем известная компенсационная схема, которая не видна только таким кретинам, как эти трое.

– Душераздирающее зрелище! – Встреча с титанами духа и мысли произвела на девочку неизгладимое впечатление.

Никки открыла для себя и страстно полюбила горький шоколад. Ела плитками; заставляла Джерри заказывать шоколад на завтрак и забирала его долю.

– Извини, Джерри, это сильнее меня!

Тот только улыбался, глядя, как она уплетает неведомое ранее лакомство.

– Тебе нужно побывать в крупном кондитерском магазине, где чёрный, рыжий и белый шоколад лежит целыми грудями.

Никки замерла и восхитилась:

– Горы шоколада в витрине? И вы, люди, можете спокойно ходить мимо таких сокровищ, не бросаетесь на них тиграми, бешено рыча и разрывая когтями и клыками...

После еды Никки преспокойно вытерла грязные шоколадные пальцы о белую майку. Джерри не выдержал и сказал:

– Лучше пользоваться салфетками!

– Их же иногда не бывает под рукой, а майка всегда со мной! – удивилась Никки.

– Но такую испачканную вещь нужно стирать! – возразил чистюля Джерри.

– Люди, неужели вы стираете одежду после первого пятна?! – поразилась девушка-Маугли. – Бедняги! Одежда вас съела.

Книги, которые Никки читала на корабле, описывали времена без телевизоров и рекламной индустрии. Поэтому девочка плохо представляла современную жизнь.

А потом Никки впервые увидела журнал мод. И вытаращила глаза на красивых девушек невероятной холёности. Изъяны у этих див отсутствовали в принципе.

– Таких людей не бывает, – категорически заявила она.

– Бывает, – улыбнулся Джерри. – Но их нужно долго искать и приукрашивать.

– И зачем вы размножаете их фото? Для выращивания комплексов у других, обычных девушек?

– Вопрос не ко мне, – хмыкнул Джерри. – Этих дивных дев коллекционируют производители модной одежды.

– Стоит ли надевать одежду на таких красавиц, если ты продаёшь её женщинам обычной комплекции и внешности? – недоумевала Никки. – Ведь это прямой... если не обман, то внушение иллюзий!

– Полагаю, леди из журналов мод символизируют мечту других женщин.

– Иллюзия как мечта? – фыркнула Никки, отбросила глянцевый женский журнал и больше никогда его в руки не брала – чтобы, будучи обычной девушкой, ненароком не подцепить комплекс неидеальности.

Но журнал про яхты и автомобили её снова озадачил. Возле многих автомобилей опять-таки красовались девушки в бикини или другой малоформатной одежде. Некоторые кокетливо держали в руках с красными ногтями большие гаечные ключи.

– Зачем возле автомобилей девушки? – спросила Никки.

– Такие машины успешнее продаются, – вновь хмыкнул Джерри.

– Девушки лучше роботов затягивают гайки? – удивилась Маугли.

Джерри долго не отвечал, лишь громко давился и хрюкал.

– Они не прикасаются к автомобилям, они просто стоят рядом! – сумел он наконец выговорить.

– И такие машины продаются лучше?

– Да!

– А покупатели знают, что автомобиль с девушкой ничуть не лучше автомобиля без неё?

– Конечно. А то и хуже.

– Знают и всё равно покупают? Они что – сумасшедшие? – кротко спросила Никки.

Но сильнее всего её потрясло другое соприкосновение с человеческой цивилизацией. Они смотрели тиви, и Никки спросила Джерри:

– Этот славный старичок и симпатичная ушастая девочка одиннадцатый раз предлагают детям попробовать круглые красные конфетки со вкусом спелой вишни. А почему они не рекомендуют детям сами вишни?

– Ну... реальная вишня заметно дороже этих пластиковых шариков.

– О! Они смогли получить биохимические компоненты вишни так дешево?

– Нет. В этих конфетках от вишни одно название – натуральный бренд... Остальное – простенький синтетик.

– Тогда эти полимерные конфетки совсем не так полезны детям, как настоящие вишни!

– Конечно, нет, но славного старичка и ушастую девочку совершенно не волнует детское здоровье. Их цель – отнять у детей побольше карманных денег... – фыркнул Джерри.

Вот тут-то Никки была шокирована и, кажется, даже перепугалась:

– И этого старого хрыча не сажают в тюрьму, а показывают по телевизору?!

Каждое утро беззубые пасти медицинских аппаратов заглатывали Никкино тело, долго жевали его и удивлённо выплёвывали. После чего за девочку принималась худощавая жилистая врач, заведующая залом лечебной гимнастики.

Она, что-то весело напевая себе под хрящеватый нос, тыкала Никки под рёбра твёрдым пальцем, стучала молотком по прыгающим коленкам и заставляла девочку выполнять десятки болезненных упражнений на разнообразных пыточных устройствах, которые врачи почему-то называли спортивными снарядами.

Днём Никки застревала возле новостных экранов, с восторгом отслеживая кипение жизни человеческого общества, от которого она так долго была оторвана. «Всё-таки непонятно, как они там умещаются!» – поражённо думала она, глядя на густые толпы машин, людей и роботов, циркулирующих в многоуровневом пространстве крупных мегаполисов.

Всё свободное время Никки и Джерри проводили в парке. Они там гуляли, разговаривали, обедали, захватив из кафе подносы с сэндвичами и суши, или просто сидели и читали – Никки проглатывала новые книги быстрее, чем съедала десяток рисовых рулетиков с сырой рыбой и рыжими креветками.

Ребята исследовали дальние уголки парка и даже сумели забраться на самый высокий холм, хотя Джерри пришлось помогать Никиной коляске.

Под взглядом с холма, который несколько метров не дотягивал до стеклянного неба, сад Лунного госпиталя со вздохом расстался со своими тайнами и съёжился в маленький остров зелени под герметичным прозрачным куполом, не пускающим драгоценный кислород в космос.

На склоне холма валуны обступили глубокую узкую расселину. Нора? Друзья стали весело гадать, кто там может жить.

– Однажды я бродил по лесу возле нашего дома... на Земле, – вспомнил Джерри, – и вдруг провалился выше колена в дыру возле куста ежевики. Вытащил ногу, смотрю – глубокая яма и брёвна какие-то. Папа решил, что это старая землянка, и сказал: «В этих местах жила легендарная индейская принцесса Покахонтас. Наверное, в землянке лежат древние индейские сокровища – ведь должны были многочисленные женихи приносить этой принцессе подарки!» Я, конечно, стал просить его: давай раскопаем подземный дворец принцессы! А он засмеялся и пообещал: «Обязательно, но попозже, когда время свободное будет...» Так и не успели...

Вдруг Джерри замолчал и отвернулся от Ники, потом вскочил на ноги и, не оборачиваясь, бросился в гущу леса.

– Джерри! – вскрикнула Ники, но мальчик уже исчез. Ники с трудом развернула коляску и с расстроенным лицом двинулась за ним, пытаясь найти дорогу между огромными валунами. Она умела бороться со своими печалью, но от чужого горя у неё противоядия не оказалось, и девочка стала непохожей на обычную себя – весёлую и жизнерадостную.

На середине спуска её коляска намертво застряла между камнями. Девочка обвела глазами густую листву вокруг, и её лицо исказила гримаса боли.

– Кто это с нами сделал? За что?! – с гневом спросила она притихшее пространство, и поручень кресла хрустнул под её ладонью.

Минут через двадцать Джерри вернулся и нашёл застрявшую в камнях коляску. Он покраснел, несмело поднял руку и прикоснулся к плечу грустной девочки.

– Я не хотел, чтобы ты видела меня раскисшим, – с трудом сказал он. – Вот и бросил тебя в этих валунах. Извини, Ники.

– Джерри, мужчины тоже имеют право плакать, а уж я давно мечтаю порыдать в чью-нибудь жилетку... – печально ответила Ники.

– Давай-ка вытащим твою коляску, – вздохнул Джерри.

Это был единственный раз, когда Джерри увидел Ники по-настоящему грустной, всё остальное время она по-прежнему радовалась жизни.

На следующий день Джерри долго и с удовольствием смотрел, как хохочущая Ники пытается догнать на коляске убегающую по лужайке игривую Тамми. Когда девочка, радостная и раскрасневшаяся, подъехала к нему, он сказал серьёзно:

– Наверное, быть счастливым – это талант. Можно радоваться жизни, сидя в инвалидной коляске, живя в пещере и питаясь травой, а можно остаться мрачным ипохондрик, имея всё, что только можно себе представить... И как тебе удаётся быть такой весёлой?

Запыхавшаяся Ники вскинула на Джерри синие глаза и неожиданно принялась отвечать на этот, в общем-то, риторический вопрос.

– После аварии я долго барабанила в покорёженную дверь рубки – пока окончательно не поняла, что родители больше не выйдут оттуда. Но я не могла представить их мёртвыми... – сказала Ники, странно побледнев. – Тогда я решила для себя, что они там живы, но по-особенному: выйти не могут, но волнуются и следят за мной. Я стала думать, что мои мама и папа хотели бы от меня в нынешнем положении. И гениально решила, что они хотели бы, чтобы я ХОРОШО СЕБЯ ВЕЛА: ела три раза в день – пусть даже эту мерзкую, но полез-

ную кашу! Чистила зубы, умывалась, заправляла постель, делала гимнастику... А ещё они были бы рады, если бы я читала книжки, рисовала, играла, смеялась – невзирая на сломанную шею и одиночество. Если я буду это всё делать, то они будут довольны, если нет – то они расстроятся...

Девочка провела рукой по погрустневшему лицу.

– Может, это мне подсказал Робби, который умён, как трёхсотлетняя черепаха... но до сих пор поражаюсь, как я смогла в то время понять – интуитивно и простыми словами! – главную истину этого мира: все родители хотят, чтобы их дети были счастливы.

Никки посмотрела, прищурившись, на зелёную лужайку с оленями.

– Дети для родителей – это их бессмертная душа, протянутая в будущее с надеждой на счастье. Если ты посмел стать несчастным, то ты не оправдал их ожиданий... Понимаешь?... Предал их самые главные в жизни – и в смерти – надежды... Это я, конечно, сейчас так формулирую... А тогда... я загнала свой скулёж куда-то очень глубоко и стала назло всему радоваться жизни – может, сама научилась, или у моих родителей оказалась весёлая бессмертная душа... – бодро закончила Никки свою историю. – Теперь ты лучше понимаешь, почему я такая? – спросила она у Джерри и звонко рассмеялась, поразив его этим смехом чуть ли не больше, чем самим рассказом.

Потом она залезла в карман рюкзака, где хранилось множество интересных штучек, и достала маленькую игрушку – тёмно-рыжего коккер-спаниеля.

Девочка завела её крохотным ключом и поставила на землю. Раздалось тихое жужжание, и собачка зашагала вперёд, гордо держа голову и высоко поднимая передние лапы.

– Подарок родителей и мой талисман-хранитель, – сказала Никки. – Замечательный и нестигаемый Смелый Пёс. Он ходит только вперёд – и с таким непокорным видом, что душе становится легче. Будто говорит: «Нас никому не остановить!»

Джерри попросил разрешения и внимательно рассмотрел собачку.

– Тонкая работа! – похвалил он Смелого Пса. – Механическая игрушка такой сложности – большая редкость.

– Это не игрушка, – серьёзно возразила Никки.

Ещё две недели пролетели на крыльях махаонов.

Никки в сопровождении Джерри облазила весь сад и всё здание госпиталя, загорела и поправилась. Однажды Джерри заметил провод, идущий от Робби к Никки.

– Этот старый абак, – девочка, усмехнувшись, указала на Робби, – таскается со мной повсюду не просто так. При аварии корабля у меня сломался позвоночник в районе шеи и настал полный паралич, – она говорила об этом спокойно, даже улыбаясь, – но Робби, железный мудрец, – сам еле живой! – сумел быстро мобилизовать уцелевшего ремонтного робота, восстановить с его помощью часть энергосети и подготовить операционную...

Никки засмеялась:

– Джерри, ты бы видел шприц в огромной клешне ремонтника! Умора!.. Так вот, Робби удачно ввёл чип с протезом нервной ткани в мой позвоночник. Но контроль над телом оказался полностью утерян. Разрезанный многожильный кабель починили, но схему соединения проводов забыли!

Девочка снова развеселилась от сравнения своего позвоночника с кабелем.

– Робби сам подключился к нейрочипу, и мы стали учиться двигать ногами и руками – я думала, как поднимаю правую руку, а он запоминал положение её нерва и искал ему соответствие в... другом конце кабеля. В конце концов у нас всё получилось, но теперь я хожу и дышу только благодаря процессору Робби. Я представляю, как моя рука чешет нос, а он делает это за меня, – хихикнула Никки.

– Впрочем, факт, что мои нервные сигналы проходят через процессор Робби, для меня совершенно незаметен.

Потрясённый Джерри слушал Никки не дыша. «Парень, – спросил он сам себя, – кажется, ты считал себя самым несчастным человеком на свете?»

Однажды утром Джерри и Никки оказались за столом одни – ещё неделю назад Пятнистый Сэм уехал домой, в кратер Циолковского, а вчера родители любопытной Тоны увезли её на Землю, в Аризону. Никки задумчиво посмотрела на пустые места за столом.

– Моя медицинская страховка кончается, – сказала она. – Большая Тереза вчера строго спросила, кто может забрать меня отсюда. Но я не знаю никаких родственников на Луне или на астероидах, да и вообще их, кажется, нет. Тогда Тереза сказала, что директор госпиталя велел отправить мой файл в Детскую комиссию или Центр новой семьи... что-то в этом роде. Как-то странно она прятала при этом глаза... В любом случае, я совсем не хочу иметь новых родителей. У меня уже есть и мама, и папа – и, хотя они умерли, я-то знаю, что они у меня есть, и я их очень люблю... Понимаешь?

Кафе опустело, но они продолжали сидеть за столом.

– Понимаю... мне тоже некуда деваться... – кивнул Джерри. – И я тоже не хочу в чужую семью, я слишком... взрослый, чтобы начинать всё заново...

Они помолчали.

– Я хочу рассказать тебе, как это случилось... – вдруг решившись, с большим трудом продолжил Джерри. – Три года назад мама с отцом поехали в театр, оставив меня дома... И на их автомобиль налетел кибергрузовик, потерявший управление... Мама умерла, а отец попал в госпиталь. Когда папа вышел из больницы, он забрал меня, и мы улетели на Луну, на отдалённую обсерваторию, где никто, кроме нас, не жил.

Он очень изменился после маминой смерти и много времени стал проводить со мной – играл, развлекал, учил математике, строил со мной самодельных роботов. Наверное, он тоже видел во мне мамину бессмертную душу...

Отец бросил свою работу, а он был известный математик; никуда сам не ездил и меня не отпускал – я даже в школе учился заочно и без особого прилежания. Но этой зимой, перед Рождеством, он вдруг отправил меня в Архимед-Сити, к своему старому другу, у которого два сына примерно моего возраста. Мы неплохо проводили время, а через две недели в папину обсерваторию попал крупный метеорит... – Голос Джерри перехватило.

– Метеорит попал в обсерваторию?! – ужаснулась Никки. – Невероятный случай!

– От неё ничего не осталось – лишь глубокий кратер... – с трудом продолжил Джерри, глядя в стол. – Когда я увидел эту яму в иллюминатор, я... потерял контроль над собой, бил кого-то... даже кусался и хотел там остаться, чтобы меня высадили... и меня привезли в этот госпиталь.

Джерри поднял голову и посмотрел на Никки тоскливыми глазами раненого оленя. На его впалых щеках лежали глубокие тени. Она положила на его судорожно сжатые руки свою небольшую крепкую ладошку со старыми шрамами.

– Джерри, ты можешь сделать для них только одно – стать счастливым, – сказала Никки, – помни, что только в тебе жива бессмертная душа твоих родителей...

– Я впервые смог рассказать о них... – Джерри прерывисто вздохнул. – Только ты сможешь меня понять, потому что ты тоже кругом одна.

– Одиночество – страшная штука, я знаю это... – кивнула Никки. – Но сейчас нас двое, а это совсем, со-овсем, со-о-овсем другое дело!

И она толкнула его в плечо жёстким кулачком.

Грустное лицо Джерри смягчилось слабой улыбкой. А Никки с удовольствием подумала, что Джерри, улыбаясь, становится совсем другим человеком...

Глава 3 Железный Дровосек

Никки лихо вкатилась в лифт, едва не впилившись в большое зеркало. Затормозив коляску так, что её занесло юзом, она нажала кнопку этажа кафетерия. Пока лифт гудел, в его зеркальную стену Никки успела скорчить с десятков прелестнейших рож. Кабина остановилась на такой кошмарной рожище, что её решено было обязательно показать Джерри. Ха! Он померёт от зависти!

Никки выкатилась из открывшихся дверей и удивилась – это оказался не кафетерий, а технический этаж, заставленный полками, ящиками и громоздкими аппаратами. Она здесь ни разу не была. Вряд ли тут можно позавтракать... не ту кнопку она нажала, что ли?

Не успела она с любопытством оглядеться, как двери лифта закрылись, и он уехал. Никки развернула кресло и нажала кнопку вызова, но та не зажглась. Девочка безрезультатно попробовала ещё и ещё раз, потом осмотрелась вокруг внимательнее: лифтовая дверь только одна, других выходов не видно.

Сзади раздался лязг, и Никки обернулась. По проходу двигался здоровенный ремонтный робот с плазменным резаком в одной руке и гвоздемётom в другой. Бочкообразная грудь, голова с сейф и длинные конечности со стальными клешнями.

Ремонтник грохотал огромными плоскостопыми ножищами всё ближе и смотрел выпуклыми фасеточными глазами прямо на девочку.

Она громко и весело спросила:

– Скажи, пожалуйста, Железный Дровосек, как мне попасть в кафетерий?

Робот-невежа не ответил, но резак в его клешне вдруг включился на полную мощность и выпустил синий шипящий клинок.

Никки хорошо знала этот плазморез, он здорово выручил её при перестройке оранже-реи. Она почувствовала неладное и попятилась в проход между ящиками.

В ответ робот вскинул гвоздемёт и выстрелил в девочку грохочущей очередью крупных гвоздей!

Привязанная к коляске Никки успела лишь вскрикнуть и дать креслу максимальный задний ход. Гвозди прожужжали в воздухе стаей железных шмелей, а один больно цапнул её в плечо, оставив глубокий касательный прорез.

А-АХ!

Все сомнения исчезли: ремонтник сошёл с ума, хотя Никки никогда о таком заболевании роботов не слышала. Она успела отъехать, а когда между ней и Железным Дровосеком оказался стеллаж, быстро развернула кресло и рванула в глубь склада на предельной скорости.

– РОББИ, ЧТО ПРОИСХОДИТ, ЧЁРТ ПОБЕРИ?! – закричала Никки.

– Не знаю! – честно признался её друг.

Никки мчалась между штабелями коробок, следя за врагом в зеркало заднего обзора, которое раньше всегда её смешило: зачем оно на инвалидном кресле?

Когда робот появился в проходе, она резко свернула в ближайший коридор и чудом избежала следующей очереди здоровенных гвоздей – кажется, пятидюймовых.

Железные стрелы громко простучали по стеллажам, по шляпку вонзаясь в толстые стенки ящиков. Один из гвоздей срикошетировал о металлическую пластину массивного прибора и сердито прогудел у Никки над самой головой, больно выдернув прядь волос.

Почему этот Дровосек к ней привязался?!

Девочка чувствовала себя совершенно беспомощной в этом кресле, её сердце бешено стучало.

Никки на ходу нажала красную кнопку на коммуникаторе коляски и попыталась позвать кого-нибудь на помощь, но на сигнал тревоги никто не ответил. «Это не случайность, это охота за мной!» – мелькнула отчаянная мысль, и Никки свернула в другой проход, не дожидаясь появления робота в обзорном зеркале.

Есть ли у него инфравизор? Если это охота, то должен быть. Значит, от робота спрятаться нельзя – он загонит Никки в тупик и прикончит.

– Робби, зови на помощь!

– Сразу позвал, как только этот урод начал стрелять, – откликнулся Робби, – но лифт заблокирован, как и все двери на этаж. Охрана уже пробивается сюда! Надо продержаться несколько минут.

– Он меня убьёт за несколько секунд! Ты можешь его остановить? – Она снова резко свернула, но топот разогнавшегося робота раздавался всё ближе.

– Я пытаюсь всё время, – ответил Робби, – но его каналы связи отключены, он замкнут сам на себя!

– Ч-чёрт!

Сердце Никки бушевало, как лесная птица в клетке, в венах звенел адреналин. «Думай, Никки, думай! Железную сволочь надо стреножить. Такую машину ничем механическим не проймёшь... разве трактором его придавить, мерзавца... как-нибудь ослепить... краской?... но у него сенсоры по всему телу... электрическим разрядом ударить?»

Пот заливал глаза, а рубашка намокала кровью раненого плеча.

Никки свернула два раза подряд – и очутилась между высокими стеллажами, плотно заставленными ящиками. Она услышала лязганье робота по соседнему проходу и затихла, очень надеясь, что Дровосек её потеряет за стеной приборных упаковок.

Но ремонтник остановился как раз напротив Никки и, ни секунды не сомневаясь, стал пробиваться к ней сквозь стеллажи. Робот ломал ящики и балки легко, как буйвол кустарник.

Над головой Никки закачался контейнер, и девочка снова устремила в полутёмный проход. Ящик с грохотом рухнул сзади, и стеклянно-металлические детали со щедрым звоном разлетелись по полу. В зеркале коляски Никки увидела грозную фигуру, выбравшуюся из разгромленных стеллажей. Под тяжёлыми ногами хрустела электронная требуха разбитых приборов.

– Ищи его слабое место! – крикнула она Робби, на всей скорости подъезжая к концу стеллажной стены.

Сзади снова загремели выстрелы. Никки, как смогла, увернулась от длинной очереди гвоздей и едва не опрокинулась на повороте.

Надо что-то предпринимать!

Она резко тормознула перед полками с инструментами. Несколько секунд – и её колени были полны гаечных ключей и молотков. Она ещё успела прихватить пару пластиковых банок с краской, когда ей пришлось снова убежать от преследователя.

Чуть позже Никки остановилась на развилке коридоров, развернулась и стала ожидать появления робота.

Она успела свернуть крышки с банок, и тут башмаки робота загромыхали совсем близко. Никки, не дожидаясь его появления, с силой метнула в проход гаечный ключ, потом молоток. И отправила туда же банку с краской. Робот выскочил из-за угла, увидел Никки и нацелил на неё гвоздемёт.

Гаечный ключ с безрезультатным грохотом ударил в металлическую скулу, зато массивный молоток сочно впечатался в правый фасеточный глаз робота и оставил густую сетку трещин – пусть подпрограмма самосохранения в этой железной репе немного поразмыслит!

Первая банка с краской пролетела мимо головы, зато второй снаряд, брошенный уже не наугад, врезался в грудь робота, смялся и выплеснул фонтан серой жижи ему прямо в лицо, полностью залив другой, неповреждённый глаз.

Никки, не ожидая, когда до робота долетят остальные железяки, быстро развернулась. Сзади раздался грохот очереди из гвоздемёта. Не помогла краска!

Несколько острых импровизированных снарядов попали в коляску, а один стальной стержень, пробив пластиковую спинку кресла, глубоко вонзился девочке под лопатку.

Никки вскрикнула от боли, изо всех сил надавила на пульт управления и свернула за спасительный угол.

– Можно его взять электрическим разрядом? – в панике крикнула она.

– Да! Хорошее напряжение на голову его замкнёт! – ответил мудрый, но беспомощный Робби.

Одежда на спине Никки пропитывалась кровью; остриё вонзившегося под лопатку гвоздя причиняло нестерпимую боль, от которой голова плыла и всё вокруг качалось. Мчась по очередному проходу и лавируя между сваленным на пол оборудованием, Никки с ужасом увидела, как в конце прохода из полумрака проступает стена.

– Это тупик!!

Девочка на полной скорости летела к безвыходному концу коридора и лихорадочно пыталась придумать какой-нибудь спасительный трюк, но в мутную голову ничего не приходило.

В метрах пяти от стены кресло всё-таки натолкнулось на разбросанный хлам и опрокинулось. Силовые захваты умной машинки решили, что лучше разомкнуться, чем сломать ей кости, и Никки вылетела из кресла.

Она шлёпнулась с размаху на пол, по инерции проехала на животе до стены и врезалась в неё раненым плечом.

Адская боль!

Кровь из ран на спине и на плече заструилась сильнее, но Никки, цепляясь рюкзаком с Робби за какие-то углы, быстро поползла вдоль стены, забиваясь как можно глубже под контейнеры.

Робот настиг опрокинутую коляску и стал в упор кромсать её из гвоздемёта, одновременно орудуя плазменным резак. Никки, с ужасом оглядываясь на этого психа, доползла до стены, увидела на ней высоковольтную розетку и сбила её ударом тяжёлой штуковины со стеллажа.

Выхватив из кармана рюкзака серебристые перчатки, Никки надела их и засунула руки прямо в голые электрические контакты. Раздался треск, и запахло палёным пластиком.

Через пару минут запас гвоздей у железного маньяка кончился, а расстрелянное кресло превратилось в тёмного дымящегося ежа. Робот наклонился и внимательно рассмотрел результат своих действий. Он даже поднял длинными лапами обгорелые остатки коляски и поднёс их к повреждённым глазам, близорукая скотина!

В конце концов кибер осознал, что в кресле никого нет, и снова переключился на поиск.

Яркая трескучая электрическая дуга немедленно привлекла его внимание, он снова увидел Никки и радостно устремился к ней.

Скорчившейся в углу девочке уже некуда было бежать или ползти.

Робота отделяли от неё два метра полок с приборами, и он с грохотом стал пробиваться к Никки, орудуя могучими клешнями, которые сами по себе являлись грозным оружием. Здоровенный ремонтник легко ломал рамы стеллажей, нагруженных оборудованием. Полки рушились вокруг Никки, грозя её раздавить или изувечить.

Она стоически переносила сыплющиеся удары, не двигаясь с места и совершая плавные и сложные движения пальцами в серебристых перчатках. В ладонях у неё билось электрическое пламя, брызгая во все стороны искрами.

Робот отбросил последние балки, отделявшие его от Никки, и занёс над ней потрескивающее голубое лезвие плазменного резака.

Никки осторожно, как чашку с водой, подняла ладони навстречу роботу, раскрыла их и сильно дунула. Из её рук ослепительной бабочкой выпорхнул искрящийся жёлтый шар размером с теннисный мяч и устремился к Железному Дровосеку.

Тот отшатнулся, но было уже поздно: шаровая молния ласково прильнула к его лицу, и раздался мощный взрыв.

Фасеточные глаза робота лопнули, и осколки засыпали съёжившуюся Никки. Металлические части головы Дровосека мгновенно раскалились, а пластиковые запузырились и почернели. Плазменный резак погас, и огромный робот-ремонтник застыл мёртвым закопчённым истуканом.

Стало тихо, и Никки услышала далёкие удары в дверь. Девочка медленно приподнялась среди обломков и застонала от боли в израненном теле. Осторожно переведя дыхание, она хрипло спросила у Робби:

– Как ты?

– Не беспокойся, со мной всё в порядке. Ты – молодец, неплохо справилась. Слышишь удары? Сейчас придут... эти спасатели. – В голосе Робби явственно прозвучала странная для компьютера ирония.

Воняло горелой краской и пластмассой. Никки с трудом привалилась к стене, чувствуя, как течёт по спине кровь и кружится голова.

– Ничего себе сходила на завтрак...

С топотом приближались люди. Впереди бежал человек в униформе и с пистолетом – увесистый, но быстрый и опасный в движениях. За ним шлёпали пятеро охранников госпиталя. В конце процессии рысила Большая Тереза с парой врачей.

– Что за погром вы здесь устроили? – властно гаркнул подбежавший человек, видимо начальник охраны.

Никки потрясённо уставилась на его покрасневшую физиономию с колючими глазами, потом перевела взгляд на подоспевшую Большую Терезу и сказала слабым голосом:

– Тереза, и такие идиоты работают в вашей охране?

Старший охранник аж перекосячился от оскорбления, но его оттеснили взволнованные врачи, подняли Никки на руки и понесли к заработавшему лифту.

– Вас вызовут для объяснений! – рявкнул сзади охранник с колючими глазами. – И вам долго придётся расплачиваться за нанесённый ущерб!

Никкины раны зашили и обработали в блоке интенсивной терапии под причитания Большой Терезы. Та хотела прописать ей постельный режим в той же палате, но Никки категорически отказалась. Она не чувствовала себя в безопасности в помещении, код от которого знали десятки людей.

Возле дверей комнаты, где Никки делали перевязку, девочку ждал потрясённый и бледный Джерри, непрерывно ерошащий и без того взлохмаченные волосы.

– Я больше никогда не оставлю тебя одну в этом госпитале! – выпалил он и встал с самым решительным видом возле её нового инвалидного кресла.

– Спасибо, – устало улыбнулась Никки, – пошли завтракать... или обедать... ужасно есть хочется... особенно пить... – слабо бормотала она на ходу, – обычное дело после кровопотери... помню, я жутко порезалась в апельсиновом...

Не успели они закончить с едой – Никки еле шевелилась от усталости и ранений, – как с грохотом распахнулась дверь кафетерия и вошли трое: давешний начальник с эскортом из двух охранников. Свирепы и опасны – настоящие громилы.

Никки что-то прошептала Робби и выпрямилась в ожидании. Трое громил угрожающе обступили стол – высокие, как башни, в серо-зелёной униформе с золотыми шевронами и с пистолетами на ремнях, – и начальник охраны громко заявил:

– Следуйте за нами! Вы должны немедленно пройти в мой кабинет и дать полный отчёт о случившемся!

Очевидно – привык к беспрекословному повиновению.

– Сегодня я занята, – и Никки допила своё обычное кьянти, стараясь движением рук не тревожить повязку на спине.

– Вы разгромили склад, уничтожили ценного робота и отказываетесь дать объяснения?! – опешил главный громила. – Я заявил об этом случае вандализма в комиссию по правонарушениям несовершеннолетних. Вам скоро придётся переселиться из госпиталя в хорошо охраняемый лагерь для юных преступников!

Никки хранила молчание.

Охранник посмотрел на стол, схватил пустой бокал и внимательно обнюхал его.

– Вы ещё и малолетняя алкоголичка? Очень хорошо! Это дополняет общую картину вашей социопатии.

Джерри вскочил на ноги и сжал кулаки, хотя весил раза в два меньше начальника.

– Спокойно, Джерри, это лёгкий случай, я справлюсь сама, – сказала без следа иронии Никки. Она в упор рассматривала охранника; от этого презрительного синего взгляда его колючие глаза дрогнули в припухших веках и даже попытались вильнуть в сторону.

Недолгая пауза прервалась коротким бипом из рюкзака, и Никки не спеша заявила старшему охраннику:

– Я дам нужные объяснения завтра, в десять часов утра. Но не в вашем кабинете, а у директора госпиталя и в присутствии Лунной полиции.

– При чём тут полиция? – нахмурился начальник охраны. – Кто её вызвал?

– Это я обратилась к властям, а теперь убирайтесь вон – вы мне мешаете обедать. У меня аллергия на болванов, да и морда у вас, братец, препротивнейшая.

Кругом раздался дружный смех. Начальник охраны заскрежетал зубами и стиснул кулаки размером с две тыквы. Он обернулся и увидел, что на него обращены десятки скалящихся детских лиц, а его собственные подчинённые смущённо крутят головами и отводят глаза, пытаясь прогнать с физиономий невольные ухмылки.

– Хорошо же! – яростно зашипел он. – Завтра я вызову людей из колонии несовершеннолетних уголовников, и вы, мисс алкоголичка... – вы даже не представляете, как быстро окажетесь за решёткой!

Он круто развернулся и, топая, вышел из комнаты вместе со своими гвардейцами.

Никки потянулась к кофейной чашке и отпила глоток. После стычки с охранником она стала выглядеть, как ни странно, бодрее.

– Джерри, – спросила Никки, – как можно перепрограммировать ремонтного робота для нападения на человека?

Джерри стоял и с ненавистью смотрел на закрывшуюся за охранниками дверь. Услышав Никки, он плюхнулся на стул и с трудом разжал кулаки.

– Это невозможно, – произнёс он глухим, прерывающимся от волнения, голосом. – Во все главные процессоры мобильных роботов встроены защитные программы. Они запрещают роботу нападать на человека или наносить ему вред. Эти правила вшиты в хард при изготовлении, их нельзя перепрограммировать в принципе...

– Давай признаем, что это возможно – клянусь Юпитером, я свидетель! – и пожалуйста, подумай, как это могло быть сделано, – сказала Никки, – ты же у нас эксперт по роботам.

Джерри польщённо улыбнулся и надолго задумался. Вокруг них посетители кафе бурно обсуждали утренние события.

– Допустимы только два варианта... – наконец заговорил Джерри.

Никки хмыкнула:

– Ну вот, то – невозможно, то – сразу два варианта!

– ...первый вариант – кто-то обладает достаточным могуществом, чтобы изготавливать свои процессоры и вшивать в них нелегальные правила. Это о-очень дорого, да ещё надо вытащить старый процессор из робота и засунуть вместо него новый чип. Это как поменять пломбу на зубе живого тигра: голова робота похожа на хороший сейф, который охраняется самим роботом. Только компания-производитель ремонтника знает, как добраться до процессора, тем более – заменить его. Второй вариант проще – кто-то обманул робота.

– То есть? Как можно обмануть безмозглого болвана?

– Роботы могут перепрограммироваться для различных работ, не входящих в конфликт с зашитыми в хард императивами. Ему нельзя скомандовать – убей человека с такой-то внешностью. Он не послушается незаконного приказа и даже вызовет полицию. Но можно попробовать перестроить зрение робота.

Насколько я помню, данные с телеобъективов этого ремонтника обрабатываются периферийными процессорами. В эти чипы заложены лишь программы автоматической классификации объектов. Чтобы робот напал на человека, нужно, чтобы видеочип, распознав изоб-

ражение девочки с рыжими волосами, не рассуждая, заменил его и передал в главный мозг изображение собаки или крокодила. Против убийства животных центральный процессор не имеет запретов.

– Робот получил приказ убить бешеного медведя, а в его глазах я и выглядела этим медведем?

– Да. Такой вариант тоже нетривиален – серьёзная переделка программы зрения требует весьма профессиональной работы, плюс нужно иметь доступ к роботу для перепрограммирования.

– Мог этот тип такое повернуть? – Никки кивнула на дверь, в которую выскочил начальник охраны.

– Доступ к роботу он имеет, но такое перепрограммирование точно сделать не мог – иначе он работал бы в другом месте и за совершенно другие деньги... Кроме того, он служил в этом госпитале ещё до тебя. Вряд ли кто-то из твоих врагов мог предвидеть, что ты здесь появишься.

– Логично... А мог он ввести в работа софт, написанный кем-то?

– Наверное, да, после хорошего инструктажа даже такой громила справился бы.

– Значит, его могли нанять... надавить или подкупить. Этот верзила где-то имеет слабинку. Робби, ты всё слышал?

– Конечно, – раздался глуховатый голос Робби из рюкзака. – Джерри – молодец! Я с ним согласен. Вариант перепрограммирования видеопроцессинга более прост, а следовательно, по «бритве Оккама», наиболее вероятен.

– Ну что ж, тогда за работу... – сказала Никки. – Ты проводишь меня, Джерри?

– Конечно. А ты куда?

– К себе в комнату. Я действительно буду сегодня занята. Не волнуйся за меня – мою дверь заблокирует Робби, это будет лучше, чем сейф.

На следующее утро Джерри постучал в дверь Никки условным стуком, и они пошли в кафе по пологим пандусам аварийных лестниц, избегая лифтов, – все знают, как ненадёжна эта техника. За завтраком Никки, всё ещё бледная от потери крови, но уже пришедшая в себя после вчерашних событий, подробнее рассказала о нападении робота и как она убежала от него «зайцем на колёсах».

– Как же ты смогла его уничтожить? – поразился Джерри.

– Следуя совету Робби: дать электрический разряд на головной процессор робота.

– И ты убедила робота свернуть уши трубочками и засунуть их в розетку?

Никки засмеялась.

– Ты знаешь, что такое шаровая молния?

– Конечно, я даже видел популярный фильм про эти молнии – они до сих пор остаются загадкой. Они возникают во время сильных гроз, но засечь их удаётся крайне редко. Воспоминания случайных и перепуганных наблюдателей – не очень эффективный способ изучения молний, а в лаборатории – искусственным путём – они никак не получаются. Знаю, что в них содержится много энергии, они опасны и могут взрываться.

– Хм... странно. Недавно я увлеклась физикой низкотемпературной плазмы и шаровыми молниями – и много экспериментировала с ними. С помощью расчётов Робби я научилась довольно легко получать их из электрической дуги... там нужно аккуратно запустить ротор по поверхности, чтобы возникла магнитная удерживающая сила. Шаровая молния – это набор солитонов – устойчивых уединённых волн, бегающих по замкнутым плазменным каналам... красивая самоподдерживающаяся система, почти сверхпроводящая... и химия в молнии очень интересная. Обожаю такие штучки! Я, улетаю со «Стрейнджера», даже взяла с собой образец химикалий для изготовления молнии.

– Ничего не понял, – вытаращил глаза Джерри. – Ты сожгла робота шаровой молнией?!

– Ну, что-то вроде этого... Я вовремя вспомнила, что в рюкзаке у меня лежат металлизированные перчатки и кубик смеси для получения молнии, и успела ими воспользоваться. Причём жутко нервничала, что заряда не хватит, копила до последнего момента. Мне повезло, что там высоковольтные выходы вдоль всей стены...

– Ну, Никки, ты даёшь! Ссориться с тобой вредно для здоровья, даже если оно железное, как у полутонного робота!

После завтрака Джерри довёл Никки до дверей кабинета директора госпиталя и остановился у порога.

– Ты чего? – обернулась Никки.

– Меня же не приглашали...

– Я тебя приглашаю.

– Ну тогда, конечно... – храбрясь, сказал Джерри и, здорово нервничая, шагнул за Никки в просторную комнату. Там уже собралось человек десять.

– Наш буйный пациент прибыл! – громко сказал главный охранник, и все люди в кабинете повернулись к двери.

Никки проигнорировала колючеглазого, остановила коляску на середине комнаты и внимательно всех осмотрела. Кроме директора госпиталя, которого Никки видела раньше лишь однажды, за длинным столом сидела явно взволнованная и чем-то расстроенная Большая Тереза и ещё один знакомый Никки врач. Он не кивнул, а только прищурился, встретив её взгляд.

Возле директора стояли начальник охраны с ещё одним униформенным подчинённым и пара лунных полицейских в серой форме. В углу сидели двое в неизвестных Никки тёмно-коричневых мундирах и женщина в синем деловом костюме. Выражения физиономий присутствующих Никки не понравились. Глазу отдохнуть было не на ком.

Директор нахмурился и произнёс властным голосом:

– Мы собрались здесь, чтобы расследовать вчерашний инцидент, совершенно неслышанный в нашем известном и почтенном Лунном госпитале. Нашему учреждению нанесён ущерб, по первым оценкам, достигающий полумиллиона долларов. Мы должны принять немедленные... э-э... практические меры по итогам нашего расследования. Начальника охраны мы уже заслушали. Всё, в общем, ясно. Но всё-таки: мисс Гринвич, можете ли вы внятно объяснить историю с разгромленным складом и уничтоженным роботом? И я прошу вашего... э-э... приятеля покинуть мой кабинет.

Никки внимательно посмотрела на него и сказала ничуть не менее строгим и уверенным голосом:

– Во-первых, здравствуйте, мистер Джембовский. Во вторых, насколько я знаю, вы временно исполняете обязанности директора Лунного госпиталя...

Директор от неожиданности поперхнулся и побагровел.

– ...но я не знаю остальных участников совещания, так что представьте мне их, пожалуйста. Это надо и для моего адвоката, – и она указала на Робби, демонстративно поблёскивающего телеобъективами.

Из динамиков Робби донёлся низкий голос:

– Адвокат Дименс, из адвокатской конторы «Дименс и Брендин», Луна-Сити, приветствует всех присутствующих и подтверждает совершение юридически легитимной видео- и аудиозаписи данного совещания.

Лица у некоторых присутствующих заметно вытянулись.

– В свою очередь, представляю вам моего технического эксперта, – продолжила невозмутимо Никки, указав на Джерри, – мистера Джеральда Уолкера!

Директор насмешливо воскликнул:

– Эксперт-подросток?! Что за бред! И юристы с этим согласны?

– Безусловно, – мгновенно откликнулась контора «Дименс и Брендин». – Экспертом на суде может считаться любой человек, названный таковым одной из сторон. Естественно, другая сторона может вызвать в противовес другого эксперта, и уже суд будет решать, кто из них... гм... более эксперт.

Джерри повеселел, отбросил длинные волосы со лба и встал возле кресла Никки в независимой позе.

Директор же, наоборот, с помрачневшим лицом стал называть присутствующих. «Коричневые» люди с малоподвижными физиономиями оказались охранниками-педагогами из колонии для детей-правонарушителей, как и обещал вчера громила.

Эта колония являлась формально не тюрьмой, а некой помесью клиники для подростков с антиобщественным поведением и социального центра, где дети ожидали рассмотрения своих дел в суде. Поэтому попасть туда можно было действительно очень быстро, а вот выйти... замки на тамошних воротах ничем особенным не отличались от тюремных.

Женщина в синем костюме представляла Детскую комиссию, ведавшую центрами по поиску новых семей, или, проще говоря, сиротскими приютами. Они были получше, чем колонии, но всё равно мерзость – уже самим фактом своего существования.

По окончании процедуры знакомства директор снова бесцеремонно потребовал от Никки объяснений. Она холодно улыбнулась ему:

– Стакан воды, пожалуйста! – Не то чтобы ей хотелось пить, но Никки полагала, что урок хороших манер полезен даже таким взрослым дядям.

Пока ей наливали воду, она повернулась к полицейским и спросила:

– У вас есть с собой оружие?

Старший из полицейских удивился:

– Конечно! И что?

– Будьте настороже, – безмятежно сказала Никки.

Тут громила не выдержал и заявил на всю комнату:

– Что за комедию она тут ломает? Напоминаю, что эта буйная мисс, кроме всего прочего, – алкоголик с многолетним стажем. И сейчас нас будут потчевать порцией горячего бреда!

– Ага, – улыбнулась довольная Никки, – кое-кто занервничал и даже стал забегать немножечко вперёд... Мистер Джембовский, если ваш начальник – хе-хе! – безопасности ещё раз перебьёт меня или хотя бы просто откроет рот, пока я не закончу, то я немедленно подключаю это совещание к прямой трансляции не только для моих адвокатов, но и для Лунного Телеканала Новостей. Робби, приготовься... Вам нужна такая реклама?

– Замолчите, Джонс! Будете выступать, когда вам предложат! – рявкнул на своего сотрудника побледневший временный директор.

– Очень хорошо, – и Никки повернулась к неожиданно засветившемуся настенному экрану. – Это изображение с видеокамеры третьего подземного этажа. Запись сделана два дня назад. Робот-ремонтник стоит на его обычном месте между стеллажами.

– При чём тут позавчерашние видеозаписи? – не выдержал директор.

– Настоятельно рекомендую и вам поменьше суетиться, господин директор, – отрезала Никки, – помолчать и послушать, тогда вы не будете выглядеть... таким временным.

Директор сжал рот в тонкую линию и стремительно покраснел.

Изображение робота исчезло с экрана.

– Два дня назад камера перестала работать. Охранники решили, что это обычная неисправность... через полчаса камеру заменили, и изображение восстановилось.

На стене снова появился Железный Дровосек на фоне стеллажей.

– Сравним положение робота до и после ремонта камеры, – продолжила Никки слегка скучающим тоном учителя, объясняющего решение задачи тупым ученикам.

На экране быстро сменялись старый и новый кадры – и все увидели, что на новом кадре левая рука робота слегка поднялась, а также исчез моток провода, раньше валявшийся у ножного шасси.

– Робот данной конструкции не пританцовывает в выключенном состоянии. Ежу понятно, что с роботом кто-то поработал, предварительно испортив камеру наблюдения. Теперь о вчерашнем дне, – перешла Никки к главному. – В 9.16 утра я зашла в лифт на пятом этаже, чтобы поехать в кафе, и нажала кнопку первого этажа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.